

**ГБУК «Псковская областная универсальная научная библиотека
имени Валентина Яковлевича Курбатова»**

Кабинет Валентина Яковлевича Курбатова

**Общественный проект по сбору цитат писателя, критика,
лауреата Государственной премии РФ Валентина Курбатова
«Цитаты из Курбатова»**

2024

**Работа «?!» победителя III Всероссийского конкурса-акции изобразительного искусства
«Курбатов на каждый день» Андрея Сергеевича Калинина
(г. Чусовой Пермского края, архитектор МАУ «Парк истории реки Чусовой»)**

Курбатов Валентин Яковлевич

**Батюшки мои. («Вниду в дом Твой») / Курбатов Валентин Яковлевич ,
Стройло Александр Григорьевич / Валентин Курбатов ; [оформ. кн. -
Александр Стройло]. - Псков : Дом печати, 2013. - 350, [1] с., [8] л. ил. : ил.,
портр. -(Проект Сергея Биговчеге). -ISBN 978-5-94542-296-4**

***

Не было никакой книжки, а была сначала просто жизнь.

***

Мне было трудно носить это счастье слышания и понимания каждый день нового мира одному.

***

А история и состоит из миллионов «я», каждое из которых буквой ли, запятой, междустрочным пространством говорит свою часть мирового текста.

***

Когда забывает себя вера, забывает и икона, и даже зорким умам византийская школа уже кажется дикой и варварской. Ложная красота вытесняет живую аскетику.

***

Всего миг, но как ясно слышна в этот миг вечность радости, догадка, что может быть, там, если душа светла, – всегда так.

***

...Прежние грехи разве были грехи? А нынешний, поди, натащит такого интеллектуального добра, что не будешь знать, что сказать, – «требники» на эти тонкости не рассчитаны.

***

За столом новые люди. Я только что видел их, входя в монастырь, и невольно подумал, что православные лица так родственны, что хочется поклониться, – будто где-то недавно видел или дружен, да забыл.

***

Я уж за долгие годы в церкви только-только сумел догадаться, что служба – это не полуневольная дань Богу, чтобы потом поскорее вернуться к своим делам, а именно главное дело и есть, именно единственно полное человеческое дело на земле, и стою без устали, и радуюсь слитности...

***

Я гоню от себя зрительное слушание канонов и псалмов... и вдруг думаю... Этот маленький ночной дозор, бодрствующий в небесной работе, пока мир теряет голову, внезапно видится какой-то трагически сильной стороной. Ведь они так каждый день, пока мы спим или злословим. Корабль давно потерял цель, а они здесь, в «корабельной» машине, держат всё в чистоте и порядке, уверенные, что пока они бодрствуют, есть надежда...

***

Век к концу (и мой, и общий), а истина всё дальше.

***

Светлое мраморное «Воскресенье» реет в кадильном дыме и паре дыхания... Нет никакого другого мира и другой правды. Каждое слово подлинно, каждое движение единственно, и каждое желание просто. Это полнота, ничем иным не возмещаемая, и тут ещё можно ослабшим и почти омертвевшим нашим сердцем прослышать, как некогда прекрасно и свободно задуман был человек и как он безграничен.

***

И вот нейдёт у меня из памяти «Русь уходящая». И всё думается – уходящая ли? А вот это-то что? Это радостное служение отца Ионы, этот младенчески светлый Василий, сующий ладошку под слабую спину схимонаха Николая, эта девушка-свеча, эти дети у вертепа, которые, вероятно, и век, и два назад были таковы. Это-то из какого народа и какого дня?

***

Слишком мы скоро всё хотим, минуя труд настоящего устройства души.

***

А когда бы слышали, то понимали, что в молитве образ равен слову, и пению, и самой молитве, что тут врозь ничего нет. И каков образ, такова и молитва.

***

Тут высота как чистота, «без соринки». А уж русский христианин к «соринке»-то привык, и оно ему дороже чистоты и строгости.

***

Её труд [церкви] нам не по силам, и мы предпочитаем спасительные гармонии государственно-церковного послабляющего существования.

***

Умение должно жить на земле, коли уж оно было, оно должно жить.

***

Вот потом и читай искусствоведов – почему так. А они изучают родную икону при общем дневном свете своих лабораторий – вне архитектуры храма и столетия, света и времени года их рождения. А начали бы и сами новые иконописцы думать об этом и писать не в мастерских, а в самих храмах, глядишь, икона опять была бы во всякой земле и всякой стороне света и у всякого мастера различна.

***

Восстать можно, только опустившись на колени, как выпрямиться духом – только склонившись.

***

Все мы голосом и чтением точно по характеру.

***

Зашел в деревянный храм. Стужа. А уж Богородица почти дописана. И была бы дописана, когда бы не холод, а вот не уносит в мастерскую, чтобы единства света не повредить.

***

Не всякая радость выходит внешним ликованием.

***

И, наверно, всегда в одном монастыре будут два [голоса] – аскетически богословский и простосердечно-умилительный, с цветочками. И, может, вместе это и есть полнота нашей веры, которой всегда как будто и аскетизм тесноват, и умилительность мала, а царского пути нет – он именно в неслиянной нераздельности этих ветвей.

***

Возрождение России возможно, только если все обернутся к Христу. Другого пути нет.

***

Все власти, малые дела, реформы и надежды возможны только, когда будет решено общее, первое, единственное – место Бога в порядке мира.

***

Все иконописцы пишут автопортреты.

***

Уверовать в Бога сегодня так же трудно, если не труднее, чем всегда. Но и так же легко. И чудо не имеет никакого к этому отношения. Вообще вера «по чудесам» – это и не вера.

***

...У нас ведь подлинно часто одни помыслы, которые мы в слепоте своей зовем мыслями без всякого на то основания. Поглядите повнимательнее: одни притязания, даже и в исповеди скрытое честолюбие и даже перед чашей – тайное самодовольство.

***

...Старый человек берёт не красотой и разнообразием слова, а полнотой его содержания. Слово наливаются, как спелое яблоко, и в нём нет пустоты, оно плотно облегает смысл. Не зря у Псалмопевца звучит угроза неразумному народу, что Бог даст им юношу в правители – «поставлю юноши князи ваша», то есть паразит легкомыслием, хотя бы юноша говорил в точности то, что мастистые старцы.

***

Вот так, вероятно, и надо начинать всякий день – ровно и твёрдо, с глубоким чувством дали в душе. День разверзается просторный, новый...

***

Вера вообще есть непрерываемое творчество. Как только на мгновение остановился успокоенным – так отстал. На каждый вопрос надо ответить самому, иначе это обряд и язычество.

***

Но горечь всё-таки теснится тем, что ведь вот так же стоит братия по монастырям российским и незримой оградой и опорой встают к небесам призывания: «Молитесь о мире Отечества нашего, Святые Зосима и Савватие, отче Сергие, святые оптинские старцы, преподобные Корнилие и Ионо, Серафиме...» Не потому ли ещё и стоим, что небесные эти заступники, видя покаяние наше малое, нас не оставляют?

***

Да одной рукой писаны и все иконы. Что получше, что похуже, но преимущественно с одних образцов, и это однообразие как-то очень подчеркивает и равнодушное однообразие нашего нынешнего православия, его механическое списывание с мёртвых образцов.

***

Уже по одним Успению, Георгию и Покрову на Нерли можно увидеть, какое именно православие мы принимали из Византии, раз умели делать такое. Впоследствии всё только упрощалось, меркло, одомашнивалось, совалось «за пазуху», а вот это – эта дивная соразмерность, эта чудная сила и аристократизм – уходили без возврата.

***

Ночь полна отвычно ярких звёзд, и от неё не уйти, и опять меня поражает, как деревья уходят в пыль Млечного Пути и говорят с небесами.

***

Человеческая история христианства совсем не то же, что христианская история человечества. Человек норовит снизить Христа, Христос – возвысить человека. Эти встречные усилия не всегда равновесны. Человек побеждает во времени (в каждый краткий миг, в каждое сегодня), но проигрывает в вечности, где точки отсчёта иные и горизонты далёкие.

***

Об о. Зиноне.

И мне уже не привыкнуть к его служению наизусть, к этой дивной каллиграфии и чистоте, к этой постоянной памяти о Боге, о предстоянии Ему. Всегда это страшное напряжение первоприсутствия и всегдашняя неутолённость слишком краткой службой.

***

...Чистому человеку нет надобности в дипломатии, в сносах и умолчаниях, ибо он чист всегда, а не только в выигрышные дни...

***

...И я в очередной раз понимаю, что человек, живущий вечностью, живёт одним днем. Ему надо всё здесь и сейчас, потому что вечность его не отвлечена, а пронизывает каждое мгновение и требует полноты проживания этого мгновения.

***

Боль проходить насквозь подготовленное сердце. Она остаётся болью, не разрушает, а учит наше сердце.

***

А уж во Франции за полчаса до Парижа, поражает совершенная безлесье и совершенное подобие хорошо подобранного паркета вместо земли. Красиво и страшновато. Как-то уж и Богу хочется оставить кусочек, а не всё себе. Потом, слава Богу, эта правильность нарушилась, и пошли живые куски.

***

Бог стоит на улице, и улица в храме.

***

Неуверенный старается кричать громче, чтобы заглушить ту неуверенность и обмануть себя и других.

***

Как тоскует душа от того, что не может увидеть смысла происходящего сейчас в мире! Прежнюю историю легко судить, и легко определить ей место. Но что делать со своим временем, где всё кажется хаосом случайностей и несёт отчётливое зерно гибели, общей утраты того глубинного смысла, который всегда искала и русская, и мировая культура.

***

Опять я вижу, что мы больше спрашиваем о жизни, чем живем, больше ищем ответов, чем отвечаем.

***

Когда человек, особенно юноша, приходит к Евангелию, это драма, это испытание, которое выдерживают немногие. Большинство уступают жизни и отводят церкви или европейское место спутника, или возводят в белоцерковную привычку, или просто оставляют её, не бросая ей вызова.

***

Главное не уставать искать не земного, а небесного, и тогда земное будет верно и плодотворно, будет помнить живые связи мира, тайные токи истины и порядка, укрепит в человеке чуткость к незримым струнам, которые протянуты от сердца к сердцу и на которых Господь играет мелодию мира.

***

Наши однообразные надгробия вполне подобны типовому строительству – города живых и мёртвых легко отражают друг друга.

***

...И правда Христу как-то не находится место в истории, что она всё рассматривается мимо Него... история идёт параллельно Ему, а понята по-настоящему может быть только сквозь Него и через Него. И тогда окажется, что всё только начинается.

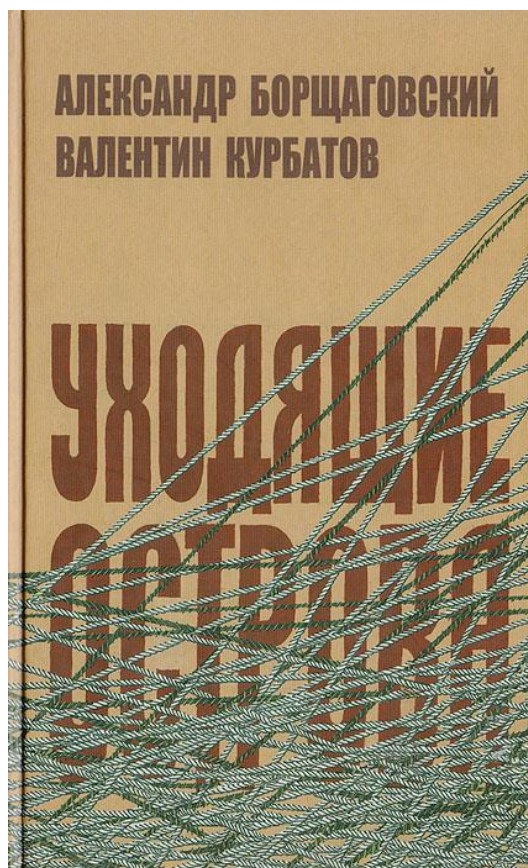
***

Самое трудное – научиться видеть себя не в жизни, а в истории.

Уходящие острова : Эпистолярные беседы в контексте времени и судьбы / Александр Борщаговский, Валентин Курбатов ; [сост. Г. Сапронов ; худож. С. Элоян]. - Иркутск : издатель Сапронов, 2005. - 567, [1] с. : ил . - Указ. имен: с. 544-566 . -ISBN 5-94535-059-1

***

Мы часто несправедливы в оценках того или иного человека или книги. Вот в беседах наших что-то звучит болезненно и жёстко, но это важно только сегодня, когда все связи ещё слышны и не стали добычей диссертаций или «вопросами литературы». Время хороший учитель и многое поправляет в нашем сознании. Но было бы странно из сегодняшнего дня переписывать день минувший. Извиняться в примечаниях – значит отменять время, которое растёт вместе с нашей жизнью.

***

Время само торопится вставить слово, резко вмешивается в диалог, и его не удержишь.

***

Переписка в последние годы уже давно не «жанр» взаимоотношений, а отколовшийся от материка литературы всё далее уходящий в забвение, почти скрывшийся из виду остров.

***

Но остров уходит, и жизнь становится призрачной, безопорной и не очень ответственной, потому что не оставляет следов. Почему и книги выходят, задыхаясь, едва добрав до точки. Какие правки, переписывания по десятку раз, какие сомнения? Завтра будет поздно. <...> До переписки ли? Но ведь о ней не думаешь, а пишешь да пишешь, когда просит душа.

***

Время сжалось до небывалой тесноты. Прежде человек жил в долгом мире. Так что и через десять и двадцать лет после его ухода его слово входило в порядок общей жизни «с запятой», и вся информация была жива и действенна. А нынче уж, что было десять лет назад, так словно и не было...

***

И однажды ты вдруг видишь, что ты только персонаж в спектакле времени, что все мы «действующие лица и исполнители».

***

...В общем оркестре жизни важен всякий инструмент.

***

У общества и времени нет перед нами обязательств. Им кажется, что они живут сами по себе, без нас, случайных и преходящих, как песок. Тогда времени и обществу приходится напоминать, что это не так, сопротивляться их мертвенному шествию и на минуту останавливать часы.

***

Мы слишком не умеем слушать противника, и мысль вязнет после трёх реплик.

***

...Сердечное спасибо за добрые слова о моих возможностях «сочинять прозу». Я, верно, так и умру с этой возможностью – знаете, бывают молодые люди, подающие надежды. Вот я и подаю их. Мне уже сорок лет, а я всё надежды подаю. Мне ведь про то, что я прозу-то буду сочинять, ещё на первом критическом семинаре, куда я попал в 1972 году, говорили, и с той поры нет-нет и обронит кто-нибудь, возвращая рукопись, – э, братец, тебе надо прозу сочинять, забирай-ка ты своё добро, это не нашего профиля. Только беда-то, что я не прозу хочу сочинять, а критику, но критику «житейскую», чтобы от неё сердце болело, и если радость, то тоже живая.

***

О Валентине Пикуле.

...О Пикуле и говорить не хочу. Бросил. Тоже ведь несчастный человек – всё снизу да снизу глядеть – это же болезнь, он себе душу-то скоро истопчет. Плохо, что

и читателя тащит вниз, чему читатель всегда рад, потому что такой путь короток и удобен... Ну да всех, Бог даст, не утащит. Пусть тешится.

***

Вообще, это наша оглядка на деревенскую этику, на корни, видно, протекает недолго. Скоро эти корневые люди уйдут вовсе, перемрут старики, ещё скрепляющие эти рассыпающиеся духовные гнёзда, и вот только тогда мы как следует и уразумеем, что сделалось в деревне в хаосе лабораторных опытов с её структурой, как невозвратно искажён человек.

***

...История духовна, а когда она только сухая механическая армия фактов, которыми можно распоряжаться, как наёмными войсками, как иностранным легионом, то это не история, а политика – социальная мистификация.

***

О Гоголе.

Ведь и Гоголь задел нас потому, что мы его книгу его же литературной мерой меряем, а это ведь и не литература совсем, и задачи другие. Это скорее ночь и совесть на фоне дня и мировоззрения, ведь мировоззрение и совесть, увы, не совпадают в нас.

***

Я по-прежнему старомодно уверен, что утопия – способ самый нехристианский, самый дальний, окольный, и если идти по нему последовательно, то именно тогда и плодотворный, когда, дойдя до христианства же, с ним об руку двинется дальше, ведь основа утопий – вера, а исповедовать веру средствами одного разума значит вводить себя в величественное заблуждение.

***

Вообще, стыдясь христианства, мы лишаем себя половины истории и заранее обрекаем себя на искажение образов...

***

...Мне тоже надо не одну общую тетрадь, чтобы прояснить понятие Бога, как оно складывается во мне последние годы, принося порою столько страданий, что уж и отступить готов, воротиться в счастливое время ровного бытия, не омрачённого эсхатологическими тайнами.

***

Тоска, в сущности, один из старых русских жанров, и можно было бы сложить роскошную хрестоматию её литературных оттенков. Не зря, вероятно, христианство относит её к грехам и искушениям.

***

О Достоевском.

Иногда сворачиваю к переписке Ф. М. Достоевского с женой Анной Григорьевной и тут немедленно вязну в осоке, кустарнике, совершенной непролазности и в сто первый раз дивлюсь, как сопрягается величавый талант с копеечной бухгалтерией, как умудряются не пересекаться – словно они и не встречались друг с другом ни разу – писатель и человек.

***

Объективно мы можем быть только к мёртвому, хотя и к нему мы порою не справедливы – и ещё более! – с запоздалой мужественностью мстя тому, к кому были слишком льстивы при жизни.

***

Ах, если бы Бог дал силы! Критика утомляет меня, изнашивает, обессиливает. Да и нельзя нынче заниматься ею – всё оглядывайся, всякое слово перевёртывай по десять раз, чтобы и сказать, и умолчать. Куда это годится? А результат так жалок и микроскопичен, что и сам его разглядеть не можешь, не то что кто-нибудь второй.

***

А вообще надо бы уходить именно в эссеистику, в литературный очерк, в вольное скитание по окрестностям культуры, что пока позволено Юпитерам, а у быков ещё встречается с досадой и подозрительностью.

***

Об Айтматове.

Прочитал Айтматова («И дольше века длится день»). Какой горький могущественно-детский упрёк миру, ослепшему к человеку.

***

Это даже досадно – до чего всегда русскому литератору мешала литература.

***

Семён Степанович [Гейченко] был молод, красив, лёгок и мнился мне Дорианом Греем. Всякий раз, когда он восклицал что-нибудь вроде «Господь создал Адаму и Еву, а Пушкин – Онегина и Татьяну», районная партийная секретарша Анна Фёдоровна извинительно улыбалась секретарю обкома Ульянову, моля простить безумного старика, который помнит эти гибельные для атеистического слуха слова – Господь, Создатель и т.п.

***

О Юрии Куранове.

Ю. Н. Куранов чуть было не переехал в Москву... Но вдруг отдумал, побоявшись, что враз ушли бы все деньги и опять надо было бы что-то наспех писать

и при этом ввязываться во все споры, потому что в нём живёт трибун и политик, да он и сам посмеивается, что «бодливой корове бог рог не даёт»...

***

Про взаимное неумение наших «деревенщиков» слушать друг друга Вы верно заметили, этого они не только в беседах, а даже и в письмах делать не умеют – «всяк на своём стоит» (по Некрасову). И про «пророчество» верно – как-то мы их всех сами убедили, что они «соль соли и двигатели двигателей», а они и поверили и теперь вот, хочешь не хочешь, должны учить и кормить нас, советовать и наставлять, иначе мы враз свою народность растрясём и развеем.

***

О Распутине.

А у Распутина... мысль нынешняя, со всей общей смятённостью и заглядыванием в философские и религиозные учения, с попыткой корни поискать не только в родном селе, а в родимых тысячелетиях, где и до нас кое-кто жил и кое-что о человеке думал. Может, поэтому Распутин и молчит.

***

Вот придумали же профессию – критик! Люди дело делают, а он подрядился выговаривать им, что всё у них не так. Но как только вознамеришься переменить род занятий на хоть бы иллюзорную деятельность и заявишь собственное право на мысль, так тебе тотчас и напомнят, что твоё дело растолковывать других, а не соваться с кувшинным рылом в калашный ряд.

***

С грустью думаю, что Ваши предчувствия о невозможности критики в прозе уже сбываются. Давно уже ей понемногу затыкают рот, не замечая того, что это выходит потом болезненными плодами – то самиздатом, то там тамиздатом, а если не «сам» и не «там», то в рукописи книга начнёт так корчиться, что и писателя станет жалко, и литературу.

***

Смотрел вчера по телевизору «Кубанских казаков». Какие здоровые, красивые лица! Какое искреннее веселье! Как отчётливо видно, что люди ещё во что-то верят! Ничего поэтому удивительного, что русские люди в сёлах в голоде и погибели смотрели картину жадно и с любовью, как про себя, и не одному не приходило в голову, что перед ними неправда. Разве неправда может быть такой искренне весёлой, счастливой? ...Вера слепа к реальности, потому что живёт в другой действительности, там, где солнце не заходит.

***

...Грустно, что Вы пишете о невозможности опубликовать. Грустна именно мотивировка отказа, потому что я сразу с эгоизмом нарцисса перемеряю на себя и вижу, что мой бедный Пришвин [книга Валентина Курбатова «Михаил Пришвин»]

захлебнётся прямо с порога. Уже и рецензент раздражён. Но рецензент – существо отвлечённое, безответственное, с него взятки гладки, а как до редактора дойдёт, то уж тут спуску не будет – Пришвин ведь с Октябрём был в отношениях тёмных, досадливых, иногда несдержанных. Даже и Блоку не простил, назвав его «Большевиком из Балаганчика» и, в пику «Двенадцати», сочинив в ту же ночь (то есть пика была на уровне мистических переглядок) своё голубое знамя, где перед пролетарскими апостолами идёт совсем другой персонаж.

***

В тысячный раз я имел возможность убедиться, что критика дело не моё, что мне бы цветочками на рынке торговать и самому рисовать эти цветы на маленьких фанерках, а я в «учёные пошёл».

***

Вполне разделяя Ваше призывание больше работать, я всё-таки чаще ловлю себя на уклончивости, порою продиктованной прямой ленью... Я так часто и остро ощущаю свою случайность в литературе, что спина зябнет. От этого и моя неизвинительная поверхностность, и беспечное перескакивание эпох и человеческих деятельностей.

***

Об Астафьеве (1983).

Меня не смущает поучительный тон Виктора Петровича. Смущает посторонность. В последнее время это стало прорываться. Милосердие, так красившее прежде каждую его повесть посторонилось, уступив ожесточению.

***

Ожесточение обманчиво. Оно искривляет мир и ищет правды в том, в чём на самом деле её нет.

***

С нового года живу тем, что книги букинистам сдаю и в который раз убеждаюсь, что бедность прекрасна в житиях гениев, но в реальности она унижительна и постыдна.

***

Отрадно на время менять страны, климаты, вероисповедания, чтобы потом тем милее было родное, чтобы вернуться опять к литературе и взглянуть на неё с доверием первого чтения.

***

Вот и Фёдор Абрамов [писатель, публицист, литературовед] умирает – вдруг и так сразу. Я не любил его прозы, Вы знаете, но в истовости ему было отказать нельзя и в правде тоже. <...> Абрамов знал, что на народ надо и поорать, если делишь с ним работу, и они поймут твой ор лучше, чем... заигрывание.

***

Боюсь думать, как отзовется на эту смерть сердце Астафьева. Он никогда не умел ни рассчитывать своих реакций, ни приискивать для них форму выражения.

***

А с цензурой – это меня давно предупреждали, чтобы я этого слова в словаре не держал даже, по возможности, говоря о стихах, и слово «цензура» избегал – как бы опиской не сочли и опять за выпад не приняли.

***

Об Астафьеве.

Получил, наконец, и письмо от Виктора Петровича после долгого перерыва. Оказалось – работал. Вошёл в роман о войне. По одной интонации письма видно, что громадная эта работа (предполагается 80 (!) листов) даётся ему мучительно, сил не хватает, восстанавливаются они плохо, сердце доведено до крайности – и всё кровь, слёзы, раздражение.

***

Я вообще в последнее время разлюбил сердитые статьи и рецензии. Не у других, а у себя разлюбил. Мне больше по сердцу писать похвальные слова, потому что я не устаю радоваться, что есть люди, умеющие и из пустыни извлечь диковинные цветы хороших сюжетов, славных характеров, милосердных идей. Сочиняющий человек, если он не спекулятивный негодяй, вообще вызывает во мне нежность. Я не могу переносить только плохого театра и плохого кино. Меня надо лишать звания критика и переводить в панегиристы. Вероятно, это происходит ещё и потому, что я не вижу литераторов, и они не затмевают моего простодушного идеализма житейским цинизмом, уловками тщеславия, и иными пустяками, всегда очень мешающими при чтении.

***

Художник – существо летящее, немерное, и Пегас, видно, конь не крестьянский – вдруг понесёт без дороги и опамятуешься уж вон где.

***

...Своего Христа не было ни у одного иконописца, ибо для верующего человека его и не может быть своего. Иконописец передаёт не своё, а свидетельское понимание, «иллюстрирует» видения знающих, видения сподобленных... Художник есть послушник текста...

***

Вы сердитесь на св. Григория Нисского, что он так безжалостно живописует избивание младенцев, почти обвиняя его в наслаждении злом, тогда как тут только безжалостность правды о мире, всегда безжалостном к детям, разве только в более скрытой форме. Главное – это видение контраста. Душа видит эту тьму, чтобы на её

фоне тем живописней был беззащитный свет младенца, который являл отменить все избиения.

***

Вера говорит с разумом на непереводаемых языках – у них нет точек соприкосновения. И то, что для Вас принуждение и гибель, то для меня свет и свобода. И смерть Гоголя в этом смысле никому в счёт поставлена быть не может. Это смерть истинно русская, смерть подлинного гения, которому четвертями мир было мерять нельзя, и уж смех, то на всю Россию, и уж если плач, так тоже до гибели.

Если остальные наши богоискатели и умудрялись оставаться живы, то только от того, что компромиссу местечко выкраивали, а уж если душа велика и полноты ищет, то она не согласит писательства с христианством, то есть гоголевского, горького, смешного, страждущего всеединства. Это две равные бездны, и в одной душе их не удержать – или-или. И вот он оставил одно для другой, то есть остался Гоголем до конца и во всей полноте гением, без затмения.

Со стороны-то тут иногда виднее и лучше чувствуются оттенки истины, заслоняемые своему зрению субъективными домашними заботами.

***

А сядешь за стол, Конецкий [писатель, моряк Виктор Конецкий] придёт... Посидит пять минут, а потом скажет, что в соответствии с учением И. С. Шкловского нейтринные структуры мира разрушаются, и, глядишь, миллиардов через 15 лет нас и не станет, и не пропустить ли по этому поводу по сто грамм коньячку? Таковые пропускаются, и беседа отправляется далеко от стола. Рассказы его о своём поколении – Казаков, Данелия, Владимов, Аксёнов – замечательно интересны мелкими, но существенными подробностями. Утешаюсь только тем, что всё это в душе не напрасно собирается, а понемногу выйдет цельным размышлением.

***

...Он [Конецкий] как-то горько сетовал, что писатель не может быть профессионалом ещё и в другой области, что это непременно приведёт к убийству одной из половин, – скорее всего, писатель пришлёт моряка и сделает это на мостике где-нибудь посередине рейса. Что-то его не устраивает в своей писательской судьбе, и он вынужден нажимать на какие-то лишние педали, настырничать впадать в агрессию.

***

...Душа умнее нас и заранее готовит нас, чтобы мы стояли перед бедой покрепче.

Вообще, если повнимательнее взглядеться, наша матушка литература много говорит существенного – может, и побольше тех, у кого рот развязан, и побольше именно потому, что не в лоб, не в публицистической прямоте (которая всегда есть

только сегодняшняя часть правды), а в художественной структуре, в плоти человеческой мысли, а, значит, дальше, существеннее.

***

Критика – она ведь сродни поэтической деятельности. Критику надо быть партийному (в широком смысле), и тогда он – борец, тогда сопоставление, анализ, правда, тогда сила и честность убеждения и риск...

***

Это и отличает настоящего художника от нашего брата провинциального сочинителя, который на словах ещё туда-сюда, а как до дела, так уступит даже то, чего не попросят.

***

Сколько история нас не учи, а мы всё опять начинаем с начала, опять задаём те же вопросы и в том же порядке, и опять выступаем со смешными притязаниями, уверенные, что, изменив общество, мы изменим человека, а никак не наоборот.

***

Гроссман меня интересует. Я читал когда-то только жёсткий политический роман «Всё течёт», который освобождал нас от многих иллюзий и заблуждений.

***

Вообще во мне что-то невозвратно изломалось в понимании смысла литературной работы, никак не верну себе сознание, что она кому-то нужна, – не моя только, но вообще литературная работа.

***

Потом навестил Ю. М. Нагибина. Прожил три дня, два из которых пикировался с его гостями – американскими профессорами-славистами. Удивительно прочно оказались закрыты эти господа от хотя бы догадок о нашем характере. Ещё никогда я не испытывал такого бессильного чувства, что говорю с глухими, хотя все они числятся ещё и докторами философии и вполне начитаны в наших Бердяевых, Лосских, Карсавиных и т. д. Но вот начитаны-то начитаны, а душа молчит. Ни единого ростка, аргументация была так комсомольски невинна, так бедно первоначальна в посылках, что мне было странно слышать, что двое из них принадлежат к епископальной церкви, а один – к англиканской. У нас такие ребята ведут атеистические кружки.

***

...Двадцать девятого сентября [1985 года] мне будет сорок шесть. Чехова об эту пору уже не было, а я всё чувствую себя юношей на пороге – так неспешно развивается нынче сознание.

***

Ведь нынешняя Беатриче на кухне кастрюлями гремит и детей собирает в школу, и в доме ремонт, и не хватает денег, но все – Беатриче.

***

А она [причина чувства сиротства] именно в этом невосполнимом чувстве безродности. Пока ещё не знаю, как это внятно объяснить, но думаю, что чувство это меня не обманывает. Или это удел зачитавшихся людей, у которых к Родине требования непосильные, а часто и противоестественные, ибо их Родина смоделирована из лучших мыслей и воспоминаний не одного своего народа.

***

Я вообще хочу написать немного о том, что общество само лишает себя литературы, доведя нравственно-экономическую жизнь до крайности и тем принудив художников взяться не за своё дело. Своё им уже не в радость, потому что его некому будет воспринимать в трупном мире: вот и бьют в рельсы, ораторствуют, пишут публицистику, за которую их равнодушный человек уже и укорить готов.

***

Я прочитал «Детектив» [«Печальный детектив»] в Красноярске и во мне он не оставил... разрушительного впечатления. Может быть, потому, что я знал действительно невыносимый первый вариант, о котором уже говорил Астафьеву, что не найдётся ни одного читателя, у которого достало бы душевных сил дочитать это до конца.

***

...Мы больно скоры судить наш действительно не ангельский народ, снимая с себя вину за его падение. А вина-то именно на нас, раз уж нам выпала обязанность заменить церковь. Значит, плохими мы были наставниками, при укорах надо об этой части вины помнить – тогда и интонация будет вернее, и злоба заменится гневом и печалью.

***

А тишина вполнеба – только и слышно, как поспекает в поле ячмень (будто идёт беззвучный дождь) да кузнечики распеваются к ночи. Одиночество, купание, долгие прогулки, неторопливое чтение при лампе... оказывается, счастье выглядит вот так просто и, конечно, оно очень кратко, как и надлежит надлежащему счастью.

А кругом помирают деревни с большими избами, с берёзами под окном, прекрасные, как детские сны. Не дай нам Бог жить в интересное историческое время, как молятся мудрые восточные люди. Ах, Россия, Россия-матушка.

***

Единственное, что прочитал – это повесть Анны Никольской «Передай дальше!» в «Подъёме», гораздо более значительный для меня, чем «Один день Ивана Денисовича», потому что более милосердную и при всей лагерной теме просветную, непобедимую. Мы ведь Ивану-то Денисычу больше льстили, что он неодолим, а в

чём неодолим-то? В том, что, как червь, работает да перемалчивает всех. Можно и этим взять при сохранении души в целостности до времён, когда этой душе можно разогнуться, но у него и на это пассивное сопротивление запаса нет – какая там душа? – так, чулан с пауками, как у Достоевского в его представлении о вечности. Впрочем, читал давно – может и грешу.

***

Наклонность наша к житийности вместо жизнеописаний неистребима.

***

А между тем ведь настоящая-то драма как раз не в захолустности и заброшенности, а в том, что душа с талантом не совладала, что жизнь говорила «работай!» и любила его, и слава шла к нему без зова, сама и отовсюду, а душа не справилась.

***

Лучше, вероятно, стариться и погибать вместе со временем, оставаясь его пассивным свидетелем, чем писать эти отвлечённые неуловимости, которые всегда можно отложить на потом.

***

Всё мне кажется, что я один в такой душевной панике посреди общего ликования, заздравных кубков, честолюбивых турниров, опьяняющей гласности, жаркой национальной возни, которая, вероятно, есть просто следствие духовного истощения, когда порыв ещё дотлевет, а куда его направить – Бог весть: все указатели повреждены, душа слепа, цели невняты, вот и кидаются в старинные тупики, мнящиеся простором. Всегда в такие времена поднимается много пены, но когда пена это уже и есть собственно море, а чистая полоска воды лишь проблескивает в этой мути, и душа поневоле темнеет.

***

Что за несчастье матушка Россия, всё-то в ней через край, всё вперехлёт, всё как-то набок и чаще в другую сторону. Видно, надо жить одной работой, одним своим прямым делом и по возможности вовсе на улицу носа не казать.

***

...Устные собрания не всегда нужно переводить в публикацию, потому что запал сиюминутности, импровизация и порыв, вынутые из контекста минуты глядят невнятицей, а то и глупостью, хотя, может, и надо нашего брата учить не высовываться, пока не взвесишь, что же ты хотел сказать.

***

Невиновные – они самые безжалостные. Иезуиты и крестоносцы сплошь в белых одеждах хаживали и оттого кровь лили легко. Если мир погубят, то именно невиноватые, кто не сам кается, а только других к тому понуждает.

***

О Пришивине.

Загадочный детский писатель, у которого для детей нет ничего. И жуткий (если двери прикрыть, чтобы никто не подслушал) зануда, которому, по правде-то, для учения потребны не восемь томов, а вполне достаточен один плотный... Не знаю, как и выходить буду, тем более, что мне уже не хочется ни «Лисичкин хлеб» вставлять, ни «Дедушку Мазая» – опостылевших читателю в тысячах изданий.

***

Я тут поездил по детским домам, поглядел на детей, на быт их, и почему-то мне показалось, что более нигде в мире этого нет и не должно быть. Что, может быть, нигде нет и такого института, как лишение материнства. Особенно поразили «династии»... Все слова и литературные заботы после этого надолго кажутся стыдной забавой.

***

Бедная больная страна, поражённая с ног до головы, – иногда... уже кажется, что она не выберется, что держится она только какой-то странной инерцией жизни, а внутри давно померла.

***

Что до моих частных примечаний, что когда-нибудь мне надо рассказать, что я разумею под верой и почему совершенно уверен, что альтернативы нет. <...>

Я имею в виду религию в самом старинном разумении, как *religio* связываю. Связываю не только человека с человеком, но низость внутри человека, чтобы она не имела выхода, лишая её той упоительной свободы воли, от которой один шаг до «всё позволено». Связываю – значит устанавливаю нравственный закон. Не политический, а нравственный. Мы попались в ловушку, когда стали оговаривать нравственность политическими потребностями. Вера – это метаистория, где нет ложных оправданий потребностям прогресса.

***

И когда мы, наконец, созреем до понимания ценности единственной личности, у нас и воцарится евангельское «несть ни эллина, ни иудея...». <...>

Всё смешалось горько и страшно, и нет спасения нигде кроме нравственного закона, который «во мне» (и Канту не надо было иных доказательств бытия Божия, кроме этого – «во мне»), и той евангельской любви, которая так противна человеку, потому что отнимает у него права первенства.

***

Будем бережны друг к другу, потому что бережность двоих это уже много.

***

Ещё раз выпала мне на роду возможность убедиться в бессмысленном неразумии истории, у которой никто ничему не желает учиться.

***

...Мир не революциями живёт, что в них история только болеет со всеми внешними признаками недуга – высокая температура, блестящие глаза.

***

...Мне, наверно, надо бы благодарить время, обнаружившее, что, оказывается ничего из того, что я исповедовал, не нужно, и в эгоизме своём не умён. Надо бы собирать душу, проститься с отвлечённостями, оставить вечное, неутомимое, праздное желание разрешить мысль и взяться за простую ежедневную, человечески необходимую работу: бороться с чиновниками, хлопотать за обиженных историей и судьбой, обнажать язвы отечества, чтобы скорее зарубцевались.

***

...Как неумолимо разводит нас жизнь! Мы все ожесточаемся друг на друга, хотя повинно, кажется, одно безумное общество, которое мы так путано создали, загоняя недуги всё глубже и глубже, ограничиваясь равно в дружеских и официальных общениях только удобной поверхностью, соблюдая правила игры в социальном театре, пока не оказалось, что театр или сгнил, или в одночасье сторел, и мы увидели в обнажающем свете дня всю бедность наших костюмов и услышали всю жалкость ролей и отчего-то решили, что унижительно бездарны только те «актёры», что перед глазами, а мы ещё – будь здоров и что повинны в завале спектакля ОНИ – всякий раз разные ОНИ.

***

...Именно в отношениях с религией обнаруживаются особенно вопиющее невежество и глухота нашего чиновничества.

***

Обнаружил в себе странное двоение – консерватор во мне ищет удержания старых институтов, модернист не хочет смириться с тем, что город должен перестать строиться и существовать в декоративной недвижности для услады заезжего толстосума.

***

Оскорбительно жить в напрочь изувеченном мире, потерявшем всякие нравственные ориентиры.

***

Я вот только и бываю по-настоящему уравновешен, когда прячусь в монастыре без TV, радио, газет. Нахожусь среди прекрасных старых книг тамошней библиотеки, векового порядка служб, долгих вечерних бесед при свете цветущих яблонь о том, о чём всегда в эти часы говорили в монастырях, так что подсядь к нам Достоевский или Серафим Саровский, то и они бы не заметили сбоя во времени, да и мы тоже.

***

Народное мнение, мы уже видели, ветрено, как девица, а гуманизм – только пустотелое слово, которое можно поворачивать как угодно.

Для меня и в искусстве-то и в культуре спасение только в том, что нам достанет отваги говорить банальности – о добре, милосердии, любви к детям, ответах перед могилами и т. д.

***

...Нет ничего ненавистнее человеком, чем скучное добро, глупая честность незаметной работы, бесславное милосердие к своим деревенским старикам, а в литературе – серьёзное внимание к тому, как человек живёт, работает и умирает... как раздумаешься, то неинтересен жизни, обществу и искусству более всего обыкновенный человек, и то именно, на чём стоит мир.

***

Об Астафьеве.

Художник в Викторе Петровиче уходит дальше человека, и он их сам в себе порой не может примирить и срывается. Но всё-таки подвигается вперёд и только молит Бога, чтобы хватило сил договорить всё до конца.

***

О Распутине.

Виделся я с В. Г. Распутиным – тут драма тягчайшая, дух раненый. Он – весь страдание, и никакое советничество у президента его от этого страдания не загородит.

***

Я даже подумал, не написать ли куда о тайне эмигрантской литературы, которая для меня открылась тут в том, что литература эта ещё хранит человеческие меры отсчёта, которые у нас утрачены совершенно. То есть мы ещё по имени-то помним, что это такое – человечность, душа, семья, предание, но это уже одни только понятия, вроде математических единиц. Мы именно так ими и в литературе пользуемся, уже не замечая их мертвенности.

***

Вообще ничто сегодня не подвергается такому насилию, как правда. Её корректируют, травят, рубят снизу и сверху, втискивают всякий в свою сторону, и сокращённая до лжи правда увечит и ломает потерявшее всякие ориентиры общество.

***

...Наверно, Вы правы и надо возвращаться к злу, говорить о нём, определять ему его истинное место. С этим нельзя спорить, и мне было бы странно делать это. А засомневался я потому, что, к сожалению, это особенно опасная область литературы, где труднее всего соблюсти чувство меры, не ожесточиться, не вывести

читателя из себя, когда он вместо осуждения зла оказывается готов на встречное зло, хотя сам не является страдающей стороной.

***

Он (мир) всё по слепоте своей какие-то более близкие задачи хочет решить, не разумея того, что их дальние за полу держат.

***

Что-то в нас безнадежно атрофировалось, и это самая тяжёлая «заслуга» нашего хаотического времени, которое хорошо для воспоминаний, но тяжело для жизни. О «блаженстве роковых минут» хорошо говорить в покойном петербургском или усадебном кабинете в кругу добрых друзей, а когда это блаженство выливается в уличный ор и оскорбительное разделение самых близких людей, то хочется как-то, чтобы Бог миловал от таких блаженств.

***

Наше дело работать – это лучшее наше сопротивление безумию.

И пока книги выходят, пока что-то печатается, пока рот не замкнут – надо радоваться и продолжать дело.

***

Бог с ними, с искателями и делителями власти. История тысячу раз убеждала нас, что она – дама самостоятельная и она, конечно, с ними разберётся. Жаль, правда, что заодно она разберётся и с нами, но нам уж на роду страдательная эта роль написана. Из нас победители плохие. Это потом может стать, словцо скажется в чужой душе, но при жизни наш род не из первых.

***

Что значит лучший роман? С какой точки зрения – содержательной, формальной, историко-переходной, нравственно-свидетельской, философской?

***

Я давно гляжу на это учреждение [церковь] и давно страдаю из-за него, но теперь уже, наверное, знаю, что никакое самосовершенствование без неё невозможно. Выйдет только толстовство. Церковь тяжка как канон, но и как канон спасительна.

***

Плохо мы переносим свои повседневные революции – не по-человечески.

***

Вот уж я позабыл свой Париж, хотя в колею всё никак не попаду – повредил он во мне какую-то наладившуюся было систему отсчёта. Будто ключи потерял к миру – реальному и книжному.

***

Война страшна, бессмысленна, противочеловечна, должна быть стыдом человечества, но люди-то живые, измученные, невинные, и они герои – и как всё это примирить: высший смысл посреди бессмыслицы, всё это дикое сплетение.

***

А моя неутомимость есть только следствие того, что я стараюсь как можно реже глядеть в телевизор и читать газеты, потому что после таких просмотров и чтений ничего хорошего о человеке – человечестве подумать уже нельзя и если что-то всё-таки и делается доброе и не роняющее человеческого лица, то не благодаря движению мира, а вопреки ему, как акт сопротивления.

Чтобы сохранить уважение к человеку, остаётся укрыться в книгах...

***

А наши книги, из которых, казалось, и десятка довольно, чтобы образумить самый первоначальный разум, не только ничего не останавливают, а, похоже, только усугубляют и ускоряют духовное разрушение человечества, потому что делают это падение всё тоньше, всё изобретательнее, всё «художественнее», так что по некоторым страницам истории и человеческих поступков видно, и авторы их на деле только герои чёрных текстов.

***

О писателе Михаиле Кураеве.

...Заглянул на денёк в Петербург повидать В. В. Конецкого и познакомиться с Михаилом Кураевым – объявившимся как-то разом, чуть впереворот книжным, но интересным прозаиком, о котором меня давно просит написать «Дружба народов». Познакомиться-то познакомились, но разглядеть друг друга не успели, хотя и провели вместе три часа. <...>

Но, в общем, знакомство было в отраду, человек не из близких, но по кругу мысли и взглядов на слово сродный, это уже много.

***

...Я всё отчётливее понимаю, что человеку осталась одна защита – культура.

***

Сейчас важно и малое слово вроде моего. Слово по слову, с терпением и последовательностью можно ослабить наше злое и напрасное взаимное ожесточение, где неправы обе стороны, ищущие всякого повода для столкновения и препирательства о чистоте одежд.

***

Вот почему и стыдно-то жить – всё тебя норовят в какие-то цитатные контексты вставить, в статистику чужой игры. И ведь не вырвешься!

***

Как бы то ни было, а всё выравнивается и есть надежда, что словам вернётся смысл, чувствам – глубина, а людям – здоровое разумение.

***

Всё-таки города летом как-то особенно болезненны и противоестественны и как-то особенно видна их выморочная противоположность, даже вот таких малых и уютных, как Псков.

***

Нынче надо печататься дома, там, где ты бухгалтеру можешь попадаться на глаза, хотя и это мало меняет дело.

***

Все мы сегодня повыветрились... думаешь, упираешься, зачем, когда можно провальсировать, играя и пленя самой лёгкостью. Отчего ведь сегодня такой урожай на юмористов всех сортов.

***

О Владимире Толстом.

Начатое в Ясной Поляне доброе знакомство с В. И. (Владимиром Ильичом) Толстым перешло в совершенную дружбу – мы в Иркутске не разлучались. Он уж и тут из Михайловского ко мне завернул, договорившись, что к концу сентября сойдёмся в Ясной. В тридцать пять лет какая спокойная ясность, ровная твёрдость и уверенность. <...> Почему бы, думаешь... а потом догадываешься, что тут вон сколько поколений позади, какая широкая ветвится жизнь. И по миру Толстых целое человечество. Чего им суетиться. Это мы люди одного дня, рождённые «сами от себя», места не находим, а им спешить некуда – они у себя дома, среди родных могил, куда и сами лягут в свой черёд крестом к кресту, а дети, как его полуторагодовалый Андрюшка, побегут дальше такими же хозяйскими ногами. Если, правда, новые революционеры во второй раз всё не изломают – больно уж у нас много охотников каждый день начинать с новой строки.

***

...Мы с ним [Курбатов с Астафьевым] на МЧС-овском вертолёте улетели в Енисейск, куда добирался только решительный народ – от протопopa Аввакума до протобестии Сталина – и добирался не по своей воле. И это было чудо как хорошо – золото тайги внизу, полный небес Енисей, покойные поля и ровные чувства долгой и надёжной жизни, словно не ведающей того, что происходит с Отечеством.

***

Человек оставлен на попечение своей совести, а совесть-то каждый день подвергается такой атаке телевидения, газет, окрестной разрухи, что человек предпочитает махнуть рукой и тоже под шумок растащить что может, пока другие не растащили. А уж по следам взрослых приходят дети и уничтожают последнее

хуже всякого врага. И вот детей-то больше всего и жаль, потому что они, не замечая того, свою душу ломают, и потом из них человека будет построить трудно.

***

Осень была так хороша. Сейчас свежие молодые морозцы, лёгкий сияющий снег, небеса светлы, а на душе такая усталость, что торопишь вечер, темень, скуку вечера, чтоб уж всё было под стать усталому сердцу.

***

И правильно по существу жить, как птицы небесные – родился, вырос, женился, поработал, родил детей, состарился и как будто ни разу и не спросил: зачем живёт человек. Ежедневный труд жизни – это и есть смысл и идеологи. А у нас вот не получается.

***

Я уже давно твержу бессмысленные для других слова, что история устала и уже не хочет быть историей. Ей бы хотелось побыть жизнью, но она уже разучилась быть этой жизнью.

***

...Писанный текст беззащитен. А тут «с глазу на глаз» с камерами и микрофонами можно было поговорить...

***

Мы давно забыли, что наше искусство должно бы... выходить не на голоса лжи и проклятий, а на зов любви и раскаяния. Мы давно не видим в глазах наших женщин неба, потому что они не светлеют от нашей любви. Мы давно не становились на колени перед человеческим мужеством и не слушали страдающего голоса «малых» народов, насильно предлагая им свои «большие» решения.

***

Почта моя медленно умирает. Я пишу по-старому, но ответы приходят всё реже. Молодые переходят на электронную почту, которой у меня нет. А старые находят другое применение своим силам. И это вполне естественно, хотя отчего-то и грустно.

Смерть Виктора Петровича [Астафьева] со страшной ясностью определила его значение для всех нас. Смерть была такая ОБЩАЯ, что уже странно было выходить с личным. Горе было национальным, и своё было «не по чину».

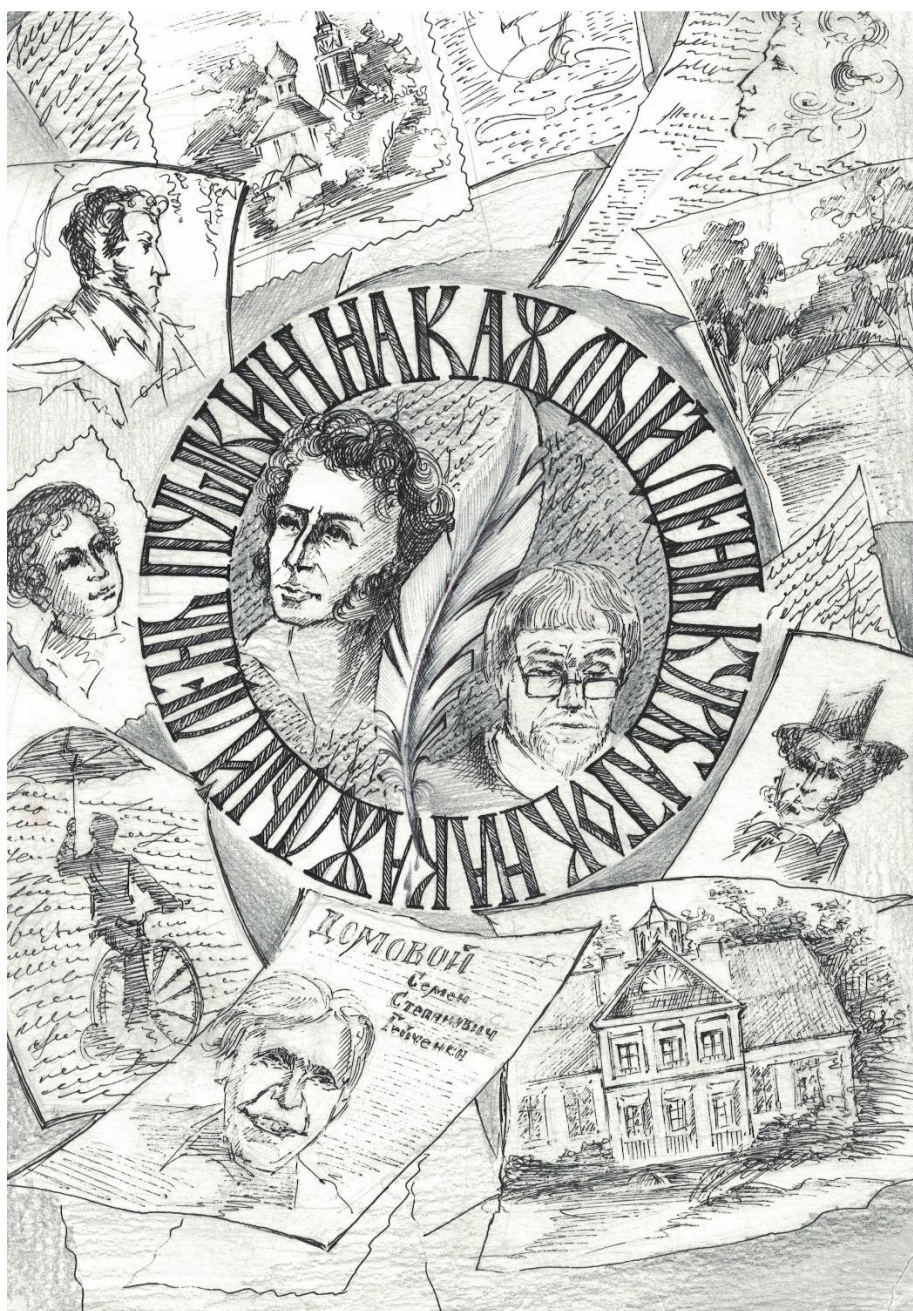
***

Работа – она лекарь тонкий и ненавязчивый. В молодые лета она не очень заботится о нас, зная, что есть кому и чему занять нас и без неё. А вот к старости она стучит у порога почаще. Вроде бы и хватит, и отдохнуть пора, воспользоваться внешне благородной, но внутренне безжалостной формулой о «заслуженном

отдыхе», но работа лучше знает, что нам нужно, и слетается со всех сторон – только поспевай.

***

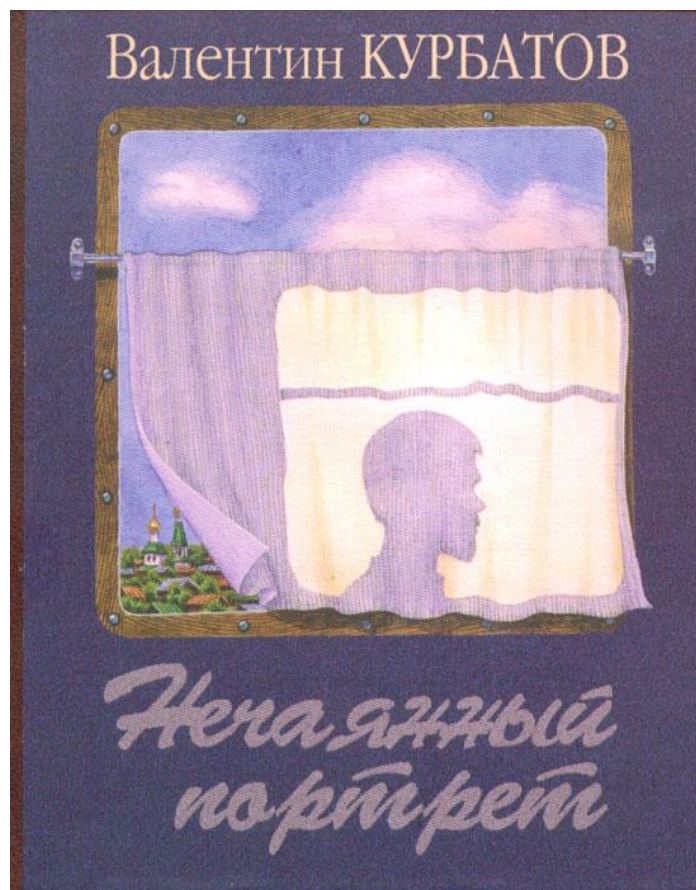
И всё-таки время милосердно и не показывает нам всей высоты и сложности переступаемых нами порогов. Подумать только – окончился век, на дворе новое тысячелетие! А мы бежим себе с беспечностью детей. Дай Господи, чтобы оно было милосерднее и умнее оставленного нами жестокого века, бережнее к детям и внукам, а они – счастливее нас!

Работа «Пушкин на каждый день» победителя III Всероссийского конкурса-акции изобразительного искусства «Курбатов на каждый день» Зинаиды Викторовны Петровой (г. Псков), преподавателя ГБПОУ «Псковский областной колледж искусств имени Н. А. Римского-Корсакова»

Курбатов Валентин Яковлевич

Нечаянный портрет. Время в зеркале одного дневника / Курбатов Валентин Яковлевич / Валентин Курбатов. - Иркутск : издатель Сапронов, 2009. - 430, [1] с. : ил. - Издания с инвентарными номерами №№ 3157В, 1584635 с дарственной надписью автора -ISBN 978-5-94535-111-0

***

Как отчетливо проступал... голос судьбы, словно ей было важно досмотреть человека во всех лабораторно-лагерных превращениях – непременно все сведены со всеми, и палачи становятся жертвами, а жертвы имеют возможность побыть в платье палача.

***

Пророк Пушкина идёт из пустыни в город, навстречу людям, а навстречу ему, спустя некоторое время, будет двигаться в пустыню его понурый «Странник», который пресытился городской цивилизацией. Что скажут они друг другу? Я думаю, что странник мудрее пророка, потому что пророк идёт учить, а странник учиться. Пророк идёт оттого, что переполнен истиной, странник оттого, что чувствует неуловимость истины.

***

Как радостно, что Господь снял проклятие с труда и труд из казни (в поте лица твоего будешь есть хлеб твой) стал благословением и дорогой к душе, ищущей знания для возвеличивания и совершенствования того же труда, а от души – к Духу – к прямой беседе с Господом.

***

...Нет, этот народ необорим. И какое горе, что именно над ним как-то особенно мудруют, словно нарочно выковывая подвижников.

***

...Истина вообще не приносит счастья, потому что сразу отделяет человека от быта, от семьи, и начинается общее страдание...

***

...Нужно понять механизм попадания света в этой тьме, чтобы сегодня было легче выбраться и теперешней тьмы – не умом выбраться, а той же народной бессознательной дорогой.

***

...Наша душевная или духовная неготовность не даёт раскрыться нашему зрению, а сама-то жизнь продиктовала всё с твёрдой ясностью и чистотой. И там всякая запятая на месте.

***

Кто-то по доброте сделал невольное зло...

***

Роман – это ведь не воля писателя – это род и даль жизни, это глубина «житейского моря», величие страдания, мощь мысли. А нынче где всё это? Так – рассыпались на скандалы, партии, потребительство.

***

...Любит этот народ со всей полнотой оттенков – нежностью, презрением, благодарностью, отвращением – так, как любят конкретных людей – лучших в обиду не даёт и ещё набавит им добродетелей, а худших на порог не пустит и тоже прибавит мерзостей. Всё лично, всё без абстракций, живо и полно.

***

...Россия опять лаборатория мира (таковой была всегда), о том, что те, кому мы завидуем (США, Европа), доживают в своём механическом раю последний денёчек и глядят на нас с любовью и ненавистью – или спастись рядом или увлечь вместе с собой на дно, чтобы не было стыдно.

***

...Возродить можно что-то существовавшее, какое-то бывшее устойчивое счастье, логику, смысл. А были ли в родной истории времена такого покоя, силы, здоровой веры, устойчивой экономики, народного лада? Может быть, нам бы пора вместо этого слова другое поискать – не возрождение, а просто строительство, продолжение. Может быть, нам каяться-то не только за 70 лет, а за всю нашу историю, хотя бы с раскола, и всё в ней спокойно пересмотреть и вперёд думать о качественно новой, небывалой России. Оглядка-то и нужна, да только без вызова одних и иронии других, а просто сыновняя память...

***

Об Астафьеве.

...Сам В. П. [Виктор Петрович Астафьев] более всего страдает именно оттого, что последние-то вопросы себе не задаёт, потому что боится не услышать ответа. Это уже почти самозащитная попытка жить органической жизнью. <...> Это, по существу, крестьянский способ жизни и вместе способ «европейский» (совмещение их), и его может хватить для жизни, но всё-таки тоже только до определенного порога. От вопроса «Что там?» всё равно никуда не денешься...

***

Всё-таки наиболее чистые ноты звучат из страдания и сострадания, пока ты самим бытом не выпал из общего круга человеческих забот. Когда ты только видишь, как человек роется в мусорном баке, а сам можешь не считать денег не только на хлеб, но и на молоко, ты уже не найдёшь последних верных слов сострадания. Голод загоняет в молчание, сытость в многословие, а точную середину и меру может подсказать только Бог, только слышание не дневным слухом.

***

...Освобождение покрывает всё и всё искупает.

***

...Когда человек из народа уходит в интеллигенты, он чаще прописывается по новому сословию и уже мыслит «народ» отдельно, «они».

***

...Диалогическое чувство, выслушивание полноты чужого и доверия этому чужому... возможно только при церковной или высокой нравственно-интеллектуальной дисциплине...

***

Слово перестало быть значительным... Мы толчём воздух...

***

Как скоро разошлись поколения – между нами лет десять, а уже не сомкнуть, уже ров до преисподней и стена до небес. И это одинаково в политике, истории и церкви. Разрушение историческое вытаскивает прорехи в теле вечности, в понимании вечности. И как нам сойтись на тайной вечере и какие мы братья и сёстры, если за порогом храма и тотчас за «с миром изыдем» мы исходим без мира.

***

О режиссёре Владимире Эйснере.

Вообще мелькнула мысль, что уже так редко видишь свет любви в море телевизионного зла, что готов вовсе разочароваться в мире. А тут она глядит из каждой картины и спасает, и врачует, ободряет для дальнейшей жизни – теперь ты знаешь, что она есть в сердцах твоих товарищей по всем студиям страны и уже не обманешься самонадеянным злом телевизора – не бойся, малое стадо!

***

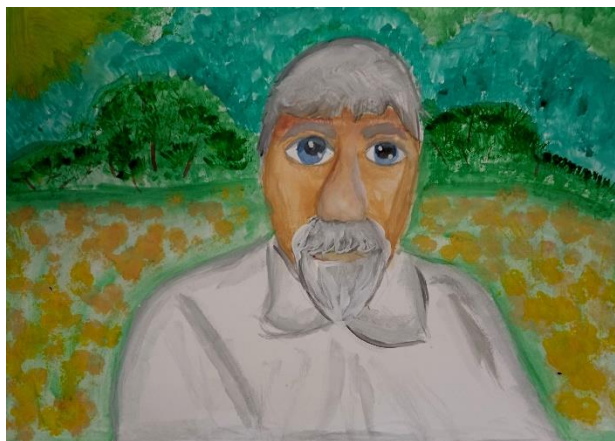
...Легко мы забываем свою христианскую историю, хотя и кичимся преданием больше, чем евангельским словом. Самому-то святому оно в радость, ибо они и при жизни искали анонимности, а вот нам – грех.

***

...Как трудно возвратиться к нормальному пониманию мира, к милосердию и любви тем, кто складывает эту изорванную плоть в мешки и ящики.

***

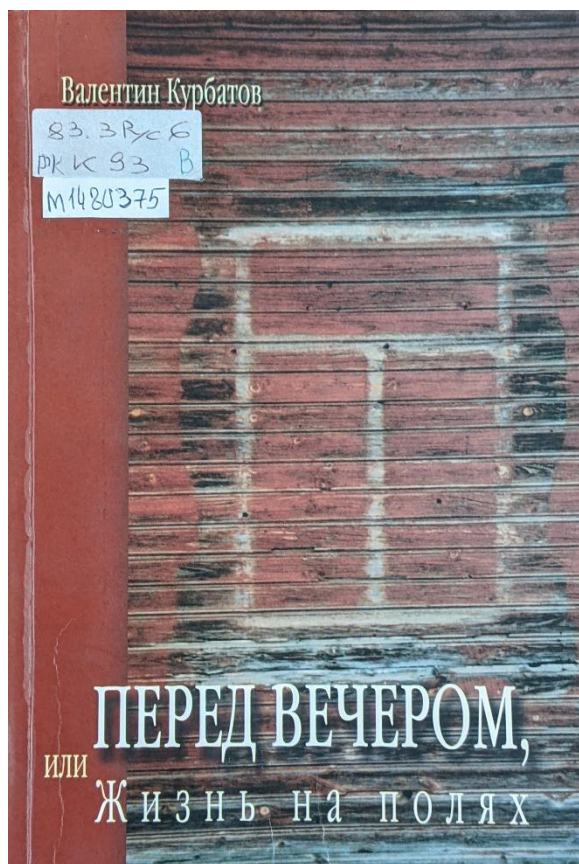
Мир действительно стоит перед «миллениумом» и «мондиализмом» (*проект по установлению мирового правительства – сост.*) и от «всечеловечества» никуда не деться. Добрые европейцы не торят – они топчут дорогу, даже асфальтируют её, и нам только катись. И они своего, искушая нас этой гладкостью пути, добьются, а мы будем им мешать свои православием, своей замкнутостью веры. И что делать – не знаю. Помогать или противиться. Связывать, связывать, но как?

Работа «Портрет Валентина Яковлевича Курбатова» победителя III Всероссийского конкурса-акции изобразительного искусства «Курбатов на каждый день» Миланы Ярославовны Дяглевой (г. Великие Луки, МБОУ «СОШ №6 имени Героя Советского Союза А. В. Попова»)

Курбатов Валентин Яковлевич

Перед вечером, или Жизнь на полях / Курбатов Валентин Яковлевич - Псков : Псковская областная типография, 2003. - 582 с. : ил. - (1100 лет Пскову). - ISBN 5-94542-054-9

***

Но когда твой день клонится к вечеру и солнце садится с какой-то символической предупреждающей красотой, сердце нет-нет и оглянется. Захочется удержать это солнце подольше, чтобы успеть что-то договорить, понять, зачем ты изводил бумагу и чем отблагодарил Бога за счастье быть человеком.

***

Попробуй затми Пушкина любым почитанием. Всего наизусть знай, все толкования перечти, а откроешь на любой странице, и опять это изумляющее чувство полноты и тайны. Опять как впервые. И опять чувство свободы, и власти, и свежести. Знаем, знаем всё, и уж не умом, а генетикой знаем, словно он наш общий предок, наш Адам – то, что А. Григорьев назвал смятенно-восхищенным словом «наше все». А вот ни усталости, ни привыкания. Кто из поэтов выдержал бы еще такое испытание? Ну да ведь остальных и хватает на одни юбилеи, а его на каждый день.

***

Он обнял собой слишком многое в русском сердце, чтобы уже ослабленный, окончательно теряющий свою целостность мир не подыскал какого-нибудь случайного повода (дуэль была одним из лучших и «жанрово» наиболее соответствующих поэтической судьбе поводом) и не устранил поэта. Судьба и история любят рядиться в одежды случайности, чтобы их не сразу узнали. История расставалась с цельностью, с единством земного и небесного, выбирая дорогу толпы, дорогу множественности, дорогу распыления человека и слова.

***

Он был первый Поэт России. Он был её последний Поэт. Он был золотой образец, явленный Богом миру как символ лучшего в русском сознании, русском языке, спасительном небесном единстве.

***

Тут и понимаешь, что время – вещь тонкая и для жизни оно одно, а для главных человеческих вопросов – совсем другое.

***

Приедете в Михайловское – увидите Пушкина: эти поля, небеса, свет, простор, поднебесный полет и невольное счастье.

***

Очень это похоже и очень по-нынешнему – томиться и не знать. Тем более что мы еще по укорененной в нас привычке последних десятилетий всё себя причин-то ищем, страшась сознаться, что они внутри, потому что такое сознание потребует слишком ответственных решений и слишком глубокого душевного переоборудования. Пока ты слеп вместе с обществом, ты можешь хорошо писать его внешнюю жизнь, его зло, его черную сторону, его слабое добро и искать укрепления этому добру и быть в этом и чистым, и смелым, и необходимым другим таким же слепцам, так же в потемках ищущим выхода. Но как только душа прозревает, её ждут настоящие испытания и перо выпадает из рук.

***

Человек без сознания вечности годится для политической борьбы, для митингов, для кратких целей нынешнего дня, но для жизни, для главного её порядка и устройства – он «материал» слабый.

***

Если собьют человека в одну сторону, жди, что он, прежде чем распрямиться, непременно сначала перегнётся в противоположную.

***

Материала тут уже достаточно на настоящую историю, но истории – жанр устойчивых времен, когда системы координат достаточно тверды, и сейчас,

конечно, обстоятельного труда ждать нечего. А вот думать об этой литературе и говорить о ней можно бы почаще, потому что среди всех современных забот – эта, может быть, самая современная, потому что касается сердцевины человека – его вечности.

***

История не только безжалостна, она и целительна и подает руку поддержки в живых параллелях, как и старая культура, которая тоже суд и помощь.

***

Мы живём дома, в России, это наша история, и чтобы она в дальнейшем была чиста и не увечила человека, надо видеть её, не пряча глаз от опасных страниц. Сильным и правым перед миром можно быть, только спокойно разбирая минувшее и доказывая, что видишь все как должно и не страшишься труда преодоления, потому что живешь не для общественного мнения и чужого суда, а для суда Божия и ответа перед детьми.

***

Разрушение – дело весёлое, оно под песню и гром крепкой горластой казенной меди идет само собой, а созидание – это труд и молитва, пот и спокойная сила, любовь и знание цели.

***

«Наше всё» без церкви не только не полно, а и просто никакое не «всё».

***

Это неправда, что поэты ищут одиночества. Они как раз менее всего способны к этом принципу миропонимания и существования и как раз более других ищут согласия, уверенности, устойчивого круга, системы. Не зря каждый значительный поэт непременно автор поэтики, философии мира, собеседник космоса.

***

Когда мир делается мутной взвесью и в этой мути не разобрать ни лева, ни права, ни земли, ни неба, особенно хочется подтвердить себя, стать достоверным, ощупать себя в слове и сказать «я есмь», соединив в этом удостоверении «Я есмь» Христа и я есмь – народа, ибо в нас они особенно таинственно близки.

***

Когда церковь решает, что сокровища должно только охранять, не приращая трудом и духовным усилием, народ начинает понемногу засыпать.

***

Это мы и по себе все знаем, что страдальческие и равнодушные маски в юности обольстительнее, чем выслушивание «прописей» бородатых батюшек.

***

Здесь он [Пушкин в Михайловском] по-настоящему приник к России и проникся ею, здесь научился видеть чистым сердцем, здесь вполне уразумел, что свобода – это духовная верность воле Божьей, здесь первым (и не единственным ли пока в русской поэзии?) увидел, что в предстоянии Богу можно быть не только на путях бытового, исторического и даже мистического православия, а и в служении Поэта.

***

Заспорит вдруг церковь о русском языке в богослужении, и не вспомнят противники русского языка, что у них есть сторонник, который перевесит их всех, – Пушкин.

***

Человек легко предал существо слова, но остался простодушно уверен, что сохранил право владения им.

***

Он благосклонно, а то и восторженно принимал оды Ломосова и Державина, баллады Жуковского, романтические поэмы Пушкина, его молодую лирику, даже поэтическое вольнодумство, но стоило поэту напомнить о настоящем Божьем свете человека, его свободе, его одиночестве, его ответе перед Небом, стоило стать тем, для чего избран поэт, для чего ему дан дар, стоило вспомнить, кем он дан, и начать служить слову с грозной полнотой понимания того, что призвание всегда жертвенно, как толпа почувствовала угрозу своему покойному самодовольству, а поэт еще вчера видевший перед собой только благосклонных читателей, вдруг со смятением увидел чернь, опустевшее лицо растратившего свое единство, свое Божье целое человека и по-настоящему понял неизбежность жертвы, свою обреченность.

***

Это было бы наивно, а для нашего циничного времени даже и смешно, если бы не было больно.

***

За серьёзность отношения к Богу первым платит серьёзный.

***

И они стоят по краям века могучим русским небосводом, вбирающим в себя свет высшей свободы, тень последнего смирения, чудо любви и ужас одиночества, счастливую беспечность и каторгу последнего вопроса и вместе и есть русский человек от края до края. Это двуглавый русский герб единой державы нашего могучего духа.

***

Сегодня всем немислимым опытом безрелигиозной жизни мы понимаем, что ничего случайного и истории не бывает, что она известна на небесах до последнего движения и не остановлена даже в самом страшном, потому что человека нельзя научить иначе. Русского человека – тем более.

***

Мир спрашивает не с политиков, не с церкви. Он спрашивает с писателя. Ждёт, когда тот назовёт реальность по имени, чтобы, как только назовет, накинуться на него, в том числе и политикам, и церкви, словно он не описал, а породил эту реальность.

***

Новое, новое, новое – вот ежедневная молитва: новые фонды, новые теории, новые религии, новые политические светила и телезвезды. Главное, чтобы глаз не успел привыкнуть – заманить, обольстить, искусить. Не дать человеку остановиться, задуматься, оглянуться.

***

В том-то и был труд, что шут и честный часто ходили так близко, что между ними иголку было не просунуть.

***

Ах, как это и сейчас близко к правде-то: хватит, столичный житель поразвивал провинцию, теперь пора и «пообирать».

***

Гению нет надобности выделять народ в «герои», славить или порицать его как нечто внешнее себе. Он знает о своем равенстве с ними перед Богом.

***

Каждая книга развивается по вполне гераклитовым законам – в её «воду» нельзя вступить дважды даже одному читателю: старея, мы извлекаем звук не тех струн, что звучали нам прежде.

***

Это теперь у нас речь «с иголочки», всё наново, всё в первый день, будто мир с нас начался, – оттого и поговорок в нашей речи днем с огнём не найдешь.

***

И не засветится наша проза чистой печалью и не воспоёт шергинским словом «тонкое обаяние русской природы, нежную радость русской весны, настроение какого-нибудь февральского денька, когда начинаются уже оттепели, первый снег на Покров, одиночество сжатых нив, проселочных дорог, шелест осеннего дождя, всё, что исцеляет душевные раны, так мирит с жизнью...». Во всяком случае,

нынешний человек не вернется к этому скоро. А значит, раны наши долго будут неисцельны, а жизнь непримирима.

***

Опыт легко убеждает, что человек, возросший на Толстом и Чехове и, положим, Белове с Трифоновым, вполне может остаться интеллигентом и не прочитав И. Яркевича с Д. Приговым или «куртуазных маньеристов» с заборными «вивристами» и даже, как ни покажется странно, будет тоньше и глубже тех, кто эти премудрости постмодернизма превзошел.

***

Дал бы только Бог не обмануться – весной всякая надежда кажется молода и бесконечна.

***

Однажды оглянешься и вдруг со смятением увидишь, что многих твоих друзей уже нет, а ты помнишь только их отдельные мысли, нечаянные обмолвки, редкие, запавшие в память дни. И заторопишься записать хоть то, что упомянул. Удержать их, пожить с ними подольше.

***

Пусть они и останутся живыми, как написались, а о смерти скажут только горькие постскрипумы рецензий на посмертные книги.

***

Господи, только молодость давала силы все удерживать.

***

Война – слово, позорящее человечество и незамолимое перед Богом, что победившей стороны на войне не бывает.

***

Как печально и торжественно всё вокруг. Как разрывает грудь чувство любви ко всем и ко всему. Как хочется благодарить Бога и силы небесные за эти минуты слияния с вечным и прекрасным даром любить и плакать.

***

Вера есть высшая и последняя жертва человека Богу – собой, своим разумом, волей, сердцем... всем миром, всей очевидностью... Это любовь человека к Богу исключительно ради самого Бога.

***

В чем трагедия Чаадаева? Он – русский человек, у него есть душа, которой потребно царство Божие. Но понимает он это по-немецки, как мыслитель. Мыслит, как европеец, а несчастен, как русский.

***

Для осознания истины иногда не хватает и жизни.

***

Жизнь – это сбывшееся слово, слово, ставшее поступком, привычкой живой реальностью.

***

Быт и нравственные страдания потерявших опору людей слишком теснят их, чтобы выслушивать рацеи о качестве жизни. Им бы не слова умножать, а простую уверенность утвердить, но за человека этого не сделаешь: ему самому решать, как перевести слово в содержание сердца. «Путевые указатели» на этой дороге расставлены русской мыслью с любовной заботой и предупредительностью – только иди.

***

Снова как уже не раз на Руси, церковь встречается с миром – дай Бог, чтобы эта встреча была счастливее прежних и мы от «религиозных мыслей», от неминуемых и необходимых пока рассуждений перешли понемногу и к обиходной, спокойно-уверенной твердой религиозной жизни. Тогда всё оправдается...

***

Ну что же, Господь терпелив и будет вразумлять снова и снова.

***

За этими стенами властвуют не наши честолюбивые кодексы и не наши бодрые добродетели.

***

Жизнь еще так первоначальна, что умозрение здесь кажется неуместно, а Бог прост и близок. О НЁМ здесь странно читать, но с Ним легко говорить.

***

То ли от молодости нашей страны, то ли оттого, что мы получили христианство готовым, сложившимся и даже, по слову отца Сергия Булгакова, усталым за девять веков, но только здесь по-настоящему задумываешься об этом древнем и новом.

***

Религиозная терпимость – есть только начало пути, но не весь путь, ибо в основе её лежит недоверие к Истине или равнодушие к ней. Вместо расплывчатой терпимости должна войти в сердце любовь к постижению Единого, общее проникновение в сердце Господня замысла о мире, и «технология» этого проникновения явлена здесь всеми сторонами в горячей искренности и глубине.

***

Способен ли ты ещё слышать новое, которое при всех исторических потрясениях спокойно и ровно оставалось тем же ожидающим тебя новым.

***

Другая жизнь и другие законы «споласкивают» твоё зрение, и ты возвращаешься «домой» если не зорче, то свободнее и немного смелее...

***

Биография великого человека не всегда бывает равна его судьбе.

***

Эти люди редкие в человечестве. Их мысль деятельна, а дело – умно. Своим существованием они вновь и вновь открывают в поучение нам простую в своей необъятности мысль, что человек бесконечен.

***

Само построение этой книги обнаруживает, как хорошо известно художнику, что всякий человек живет в истории, а великий поэт – в истории и вечности разом.

***

Деление поэзии на столицу и провинцию в высшей истории русской литературы, которая есть единственно достойная история – насильственно и произвольно.

***

Крошечный березовый лесок – совсем желтый – медленно, нехотя, ухватываясь за каждую ветку, соскальзывает на подсыхающую дорогу. Так рано...

***

«Пред дверьми храма Твоего предстою и лютых помышлений не отступаю...». Если уж не «лютых», то рассеянности и пустоты своей мы точно не отступаем. И подлинно – всё «перед дверьми». Всё никак в храм не войдем.

***

Церковь знает, что мы в земной привязанности к дню всегда только «перед дверьми», и матерински ждет, когда вырастем, осмыслим ее и свой путь и станем настоящими участниками ее силы и славы.

***

Вера строится так же, как строится государство, и внешняя случайность совершающегося не всегда обнаруживает неизбежную логику судьбы.

***

Только, увы, не одного язычества, но и оппозиционного крепнущему католицизму Православия, о чем скоро догадались наши медлительные епископы и уже в 1212 году, взяв город Одемпе, помирились не прежде, чем «жители некоторые приняли Греческую веру... и сами обещали прислать священников, которые будут продолжать обращение их.

***

Летописец утаивает свое чувство за обманчивой бесстрастностью свидетельства, но то, что он прежде иных выгод и потерь видит эту сторону столкновений, обнаруживает, как ещё жива для него эта миссионерская стычка, этот след духовного единоборства.

***

Это прямой, как Господня воля, ряд духовной истории, но есть как бы периферия летописи, где в попутной случайности оговорок и внешней побочности примечаний открывается потаенная логика и не сразу различимый драматизм повседневного роста Церкви посреди тонких искушений и опасностей, которые не враз делались очевидны.

***

Воинственные наши князья шли в соседние земли не только с мечом, но и крестом (мечом Иисусовым) и вместе с первыми духовными просветителями ставили крепкие русские храмы и твердо и заслуженно входили в лик святых.

***

Есть не одни территориальные подкладки, не один поиск дани и «рынков сбыта», как учит нас убогая материалистическая наука, а и живое дыхание веры.

***

За что бил Ваньку Жукова хозяин? А за то, что плохо слушал учителей и чистил селёдку наоборот, а, следовательно, был скверным учеником, заслуживающим, чтобы ему «ейной харей в морду тыкали». Так учились Леонардо, Рафаэль, Микеланджело – тёрли краски, бегали за водкой, получали в морду, когда учились чистить селёдку, а когда делали всё верно – мастер благословлял их! Надо уметь слушать!

***

Разве можно остановить время, когда все ниточки оборваны и их ничем не свяжешь. Пусть поют старые люди, кто живой и сам помнит, а они мне – как одеть пастухов? Может, рубахи из лыка? Вот вам и фольклор. Ты дай ему, что он всегда носил, что ему удобно от ветра и зноя, от дождя и комаров, и он тебе сыграет, а в рогоже он уже и не пастух будет, а ряженный. И все они – ряженные.

***

Догадываться уже можем, но услышать, разгадать загадку Божия дара, понять механизм откровения, каким является поэзия, увы, пока нет.

***

Форма – это только иначе сказанное «да будет воля Твоя», это та же молитва Господня.

***

Для Сальери творчество тоже как будто сродни церкви, но он не понимает, что, как только сказал, что красота и форма даются трудом, «усильным напряженным постоянством», как этот пот на лбу его выдал, так приговор себе и подписал, потому что стало видно, что не Божьей воле вверяется, а сам ищет быть создателем, соперником Творцу.

***

Для этого надо быть церковным в поколениях, в способе жизни и миропонимания, в самом существе, в генетике, надо быть субстанциально-церковным.

***

Юбилей – вещь опасная. Так заговорят доброго человека, что ничего не останется – одно красноречивое общее место. Бывает, что именно юбилеем-то и прикончат: после пира похвал и пересмотра каждой строки под увеличительным стеклом книги и в руки не возьмёшь.

***

Сказав о «Евангелии от Александра», мы скажем только совершенно полно и всякому сердцу слышно о России, о ее культуре, о человеке, о русской государственности, а в конце концов и о русской церкви.

***

После тяжелого беспамятства мы возвращаемся в церковь, насилу поднимая еще каменеющую при крестном знамении руку и только открывая свою культуру на страницах, которые казались безнадежно утерянными или вымаранными до полной непрочитываемости.

***

Дети своей идеологии, мы слишком отвыкли считать церковную историю историей.

***

И до сего дня ссылаем церковные события на периферию общественной жизни, в какие-то орнаментальные пределы, в побочности и украшения и никак не

понимаем, почему при таком демократическом обращении с Церковью всё не станем по-настоящему здоровой нацией с нешатаящимся мировоззрением.

***

Всё никак настоящего своего возраста не почувствуем – этой толщии тысячелетия умом не обнимем.

***

Если вспомнить «денницу спасения Земли Русския» равноапостольную княгиню Ольгу с берегов родной Великой и рожденного в этой же земле святого её внука-крестителя Руси князя Владимира, то, без сомнения, земля Псковская – христианка с куда более ранних лет.

***

Может, и жаль, что опоздавшее воспоминание не позволило перелистать все новгородские и псковские источники для по-настоящему полного обзора ушедшего тысячелетия, но, может быть, как раз естественнее не поднимать непосильного, а просто с благодарностью полистать страницы Псковской летописи митрополита Евгения, которая и подарила нам эту дату – тысячелетие: живое движение Церкви, драматическая повседневность истории являются там вполне ярко.

***

Но как ни слаба и внешне разорвана, физически истреблена, духовно ослаблена ни была к 30-м годам церковь, но в ней ещё держалась такая сила и стать, что речь о прощании вышла преждевременной. Они не зря – всё равно, нищие и предстоятели, иноки и миряне – встали к нам лицом, Ликом всё еще великого народа, словно все из алтаря вышли, и это они на нас уходящих из храма глядели с печалью и любовью, укором и прощением, силой и верой.

***

Ведь их и на иконе перечесть нельзя – спокойное неодолимое небесное воинство, наш Покров и опора, наша Русь настоящая.

Работа «Под звездами Святой обители» победителя III Всероссийского конкурса-акции изобразительного искусства «Курбатов на каждый день» Арины Артуровны Мхойан (г. Псков, МБУ ДО «ДХШ г. Пскова»)

Курбатов Валентин Яковлевич

Бегущая строка : дневник провинциального литературного критика / Курбатов Валентин Яковлевич / Валентин Курбатов ; [предисл. Константина Сутягина]. - Псков : Дом печати, 2012. - 508, [2] с., 1 л. портр. : ил. - (Проект Сергея Биговчего - Издания с инвентарными номерами 1103В и 3523В с автографом автора). - ISBN 978-5-94542-282-7

***

...Культура слова выросла чрезвычайно, что объявилась бездна стилистов, умеющих тончайшим образом воспроизвести мимолётное, способных задержать и описать дуновение ветра. А уж великолепных ремесленников и просто без счёта, и они тебе хоть Гёте, хоть Достоевского передразнят.

***

...Сказать долгой объединяющей правды некому или некогда. Художнику оказалось не по силам выбраться из мира, спрятаться для долгого размышления. Общество настигает его газетами, телевидением, радио и в последней глуши. Незаметно умерла культура частного человека и окрепла культура общественного, изводящегося в бегах пропитания и сиюминутной славы. А ностальгия осталась...

***

Мы тоскуем о духовной родине. Но тоска, если в неё взглядеться, какого-то странного свойства. Похоже, «Война и мир», как и Шекспировы «Гамлеты», и не

нужны. Нужны истины на каждый день, и они выделяются со скоростью дня, чтобы уже завтра перестать быть ими и уступить новым «истинам». Надо успеть понять и одеть в слова нынешнее утро. Будущее, пожелав узнать нас в лицо, найдёт сотни маленьких книг и океан Соляриса, переосмыслив их, вытолкнет на поверхность дробного человека, в котором «отразится век и современный человек» будет изображён довольно верно.

***

...Странный вывод, что умерла культура общественного человека, объединённого верой во всечеловеческое единство (как у толстовского Пьера Безухова – «И всё это во мне, и всё это я»), и окрепла культура частного человека, бежавшего из слишком общего мира к себе или малой группе собратьев.

***

На сытый желудок об одиночестве размышлять трудно.

***

Может быть, боль, приносимая красотой, как раз от этого – от посторонности, от того, что не знаю тайны молчания, не вошёл в тайну безмолвного Господнего согласия.

***

...Рисовать, с болью замечая, как меркнет на листе прекрасная реальность, как мертвеет живое трепетанье цвета перед глазами. Бессилие и отчаяние вызывает эта красота. Вот, кажется, ещё причина неумения «рассказать» пейзаж слушателю и следить, как холодеет его лицо. Не холодеет оно перед твоим лепетом. Взглянет с почтением или равнодушием и отворотится. Тебе сделается обидно за свою работу, потому что в тебе-то восторг реальности ещё жив и ты для себя ещё можешь одушевить лист усилием памяти, а для него листом и кончается.

***

Осень не радостная, не золотая, не чарующая. Тут нужны иные слова – торжественная осень, страшная, неумолимая, безжалостная, безнадежная. Гремит, как архангельская труба. Вот таким, наверно, и будет тот последний призыв – безмолвно прекрасным, осиянным. Не напрасно же вырывается у нас это смятённое: «Господи!»

***

Самобичевание – смирение паче гордости.

***

Мы не союз тел и дел, а один союз душ, и, когда одна душа отлетает, мы не замечаем её утраты, только отсутствие тела рядом вызывает ощущение физической пустоты, его и принимаешь за душевные муки, но душа в глубине молчит, потому что знает о будущем воссоединении. Но не в раю, не в аду – нет, в одной мировой

душе, небесах, травах, водах, других людях, в новых воплощениях. Оттого и примиряемся, оттого и забвение, что дух – един.

***

Отражение в бирюзовой послезакатной воде уходит вниз чисто и страшно... Сердце вдруг сжимается от мысли, что нырнёшь, откроешь глаза и увидишь эти деревья вершинами вниз и это падающее в бездну небо, и всем ужасом сознаешь бесконечность верха и низа, которых не избыть, пока не разорвётся сердце.

***

...Как мы бегаем от сметённых мыслей, когда застигнуты каким-нибудь горестным событием... Уличены в постыднейшей лжи. Вся душа собирается к этому острию, и так хочется хоть на мгновение отвязаться, бросить это терзание, отдохнуть, и всё пытаешься зацепиться за что-то глазом – а он удержать не может, слухом – а он бессилен. Торопишься вспомнить дела недоделанные, мысли, когда-то незавершённые, – всё мимо... Нет уж, изволь мучиться. Изволь до дна всю боль испытать.

***

Нет ни классической неторопливости старых биографий дворянско-мужичьего века, ни безумных путаных, страшных революционных и военных. Есть пустое вращение лет... А уж о судьбе и говорить нечего. Она почти не выпадает нам... Не это ли скука и зовётся «хозяева своей судьбы»?

***

У всех у нас на чердаках пылятся портреты наших двойников, только в отличие от уайльдовских они стареют с нами, но лица у них редко похожи на те, которые мы носим в жизни. Это зеркало, в котором мы редко узнаём себя и только вскрикиваем, догадываясь, – вот тот вскрик догадки и есть подлинная поэзия...

***

Умерла культура узкого круга, маленького космоса, который заменял отцам и дедам (именно дедам) вселенную, и они вместо хождения вширь глядели вглубь.

***

Живопись упорно притворяется фреской не только размером, но и техникой.

***

Пришло царство графики, и графики тиражированной... потому что умерла миниатюра, искусство небольшого портрета и пейзажа... Началось писание для музеев и выставочных залов, разговор сразу с толпой, а не с человеком. Холсты стали бояться доверчивого собеседника с человеком и не умеют оставаться наедине с ним, потому что вдвоём нельзя кричать, а шептать и говорить вполголоса они не умеют.

***

Длительное и упорное истолкование непостижимого как азбучно-простого привело в отместку к тому, что тайна и впрямь ушла. Искусство растлилось и ограничивается малым и уже не просто терпит критику, но и ищет её, потому что хочет воздаяния за куцые свои мыслишки...

***

Идёт общая игра по копейке, и все так наловчились передёргивать, что уже и позабыли настоящие правила. Истина уже невозвратима, слишком далеко и согласно она зарыта.

***

Взгляд бессильно скользит по блистающему небесному своду, по бессмысленному полотнищу, которое покрывает... одинаковой легчайшей синевой... одинокого человека на берегу озера, который поднимает голову вверх в бессильной попытке найти там свершающие знаки логики и гармонии... он нарочно встал под самой серединой неба вдали от дорог, чтобы его не оглушали случайные звуки транзисторов, выкрикивающие из открытых окон летящих мимо машин бессмысленные слова... лоскуты измученного и потерявшегося человеческого сознания. Он верит, что в этот утренний час можно соединить в себе хаотичный полёт незримых упований, цинизма, святости, разочарований и надежд и, замкнув на себе, внезапно прозреть и сгореть, рассеяться от этой неизмеряемой, сокрушающей энергии понимания, сгинуть, стать логосом, стать воздухом и небом, стать тем нестерпимым сверканием смысла, который ищет другой одинокий человек, вышедший к берегу своего озера под самую середину небесного свода.

***

Нельзя уезжать от родных мест, где жили поколения твоих предков, пока твой ум не окреп настолько, чтобы унести их в своём сердце.

***

...Это дьявольское, это мучительное томление по разуму, по смыслу ежедневного, вечного человеческого хаоса с его ложью, цинизмом, ненавистью, любовью, самоотвержением, которые увенчаны одинаковым финалом – смертью.

***

...Точно ли тот мир [загробный] отличен от нашего, точно ли – он тот, а не этот и не мы ли – их души, их отражение здесь, их ежедневное платье, которому они могут только сострадать и которому тщетно, как детям, открывать смысл бессмыслицы. Или мы стоим перед своим зеркалом гигантской сверкающей стеной собственного беспомощного духа и разбиваемся об эти отражения не в силах подчиниться Великому Капризу бессмысленного создания, Вечного кольца, которое однажды износится в звёздную пыль без тени воспоминания.

***

Видно пришедший в мир однажды уже не может уйти и вынужден узнать, почувствовать, претерпеть неисчерпаемость и жуть вечности, а награда – вот только это мгновение реальности, этот взмах ресниц, именуемый жизнью, других наград не будет – тут всё.

***

Может быть аскетизм, затворничество, истязание себя, монашество действительно награждается тем, что человек втягивается в тьму вечности уже здесь, готовится к бесконечному движению в молчаливо идущей в никуда и никогда не останавливающейся очереди. Ему нечего жалеть здесь, и, ничего не утратив, он приобретает мужество не закричать от ужаса, вступив в этот бесцельный и изнурительный поход, в котором никто не падает и всегда в состоянии сделать свой, надеясь, последний шаг, но за которым следует другой последний, и так без предела.

***

В литературе всё как в футболе: чем сильнее нападающий, тем крепче его держат и тем чаще ломают ноги, потому что с подкатами он справляется без труда.

***

Старость страшна тем, что не с кем будет разделить воспоминания. Когда уйдёт последний, кто помнит тебя молодым, пора собираться и тебе, потому что тебе некому будет сказать... а помнишь? И разделить хлеб прошлых радостей и бед. Некому будет подтвердить твою юность. Она станет недоказуема и, значит, неосуществима.

***

Видно, напрасно я ищу того детского товарищества, когда страшно было расстаться друг с другом... Не потому ли это и невозвратно, что избрал дорогу сочинителя. С той поры, как выбрал в собеседники бумагу, она и стала другом и братом. На живое общение души не остаётся. Всё время чувствуешь столб воздуха, разделяющий тебя и собеседника.

***

Мы все отгорожены друг от друга письменными столами. Не заплачешь и не засмеёшься без того, чтобы разум успел сделать ситуацию литературной.

***

Дружба – это полная доверчивость. В детстве наши тайны так малы и так нестыдны... они только крепче соединяют нас с нашими наперсниками. Потом заводятся тайны, которые уже не откроешь. Скрытность скоро отвоёвывает себе всё большие территории, и прощай дружба. Тогда и заводятся дневники – бумажные двойники друзей, бумажные стены от друзей реальных. А прозаику и

того проще: выкладывай всё в героев – и свободен! Поневоле книжка станет милее товарища.

***

А ведь скоро у нас не останется народа – тех мудрых деревенских, именно деревенских, стариков и старух, которые выросли среди трав и небес, на тяжёлой работе и умели слышать землю, как человека, и не знали врагов, кроме засухи, ранних морозов и града.

***

Настоящая мудрость и настоящая философия просты.

***

Старики ещё живут, но редуют непоправимо, и скоро явится новое поколение стариков, уже не исповедующих живую религию полей и облаков, и деревенские старики станут похожи на городских. А кто видел в литературе спокойного мудрого городского старика, в котором была бы настоящая сила природы? Нет стариков, есть старые пролетарии, тоже с устойчивым стереотипом, но уже другая жизнь – социальная, урбанистическая, и философия тут книжная, рассудочная, конструктивная. А «народ» умирает. И этого не остановишь.

***

Оторвавшись от церкви, мы темны и неловки в ней, слишком думаем о себе со стороны и мешаем молитву с оглядкой, чтобы было как у людей, возвращаемся в начальную школу веры и молитвы.

***

Страх Божий – это не страх Бога, не ежедневный ужас, как бы чего не сделать дурного, за что потом последует страшное наказание. Страх Божий – это боязнь потерять свет Христовой любви, страх лишиться этого праздничного чувства сопричастности.

***

...Война выравнивала. Даже, наверно, уместнее будет сказать, что воевали «военные». А это уже не нация, не сословие, не крестьяне, не горожане, а качественно новый род людей, который плохо потом приживался в городе, и в селе.

***

И что-то не помню книги, где бы человек вернулся с войны и начинал жить прежним бытом и вдруг видел, что у него не выходит. Косвенно-то сколько угодно, а вот чтобы именно это увидеть, что человек с войны не возвращается. Что прямо с порога по-старому не заживёшь.

***

Поспешная публикация лагерных, вокруглагерных... сочинений о 37 годе, о быте и небытии арестов, слухов, доносов, истреблении науки и т.д. При всей необходимости их сейчас странно перекашивает литературу. Опоздавшие на 30 лет сочинения уже читаются не как история рода и Родины и как боль виновных, а как курьёзная отвлечённость, как история древнего Рима – с праздным любопытством сторонних наблюдателей.

***

Вот беда-то с нашим образованием: как оно крутит человека, как выворачивается душа, как уклоняется от прямого ответа. Плоти почти нет, память вот-вот совсем оставит, только бы ею и воспользоваться для прямого, единственного душе дела, так нет – и тут норовит заговорить себя, зажмуриться, обмануть словами.

***

Вера – дело всегда индивидуальное, единичное своё, для каждого со своим единственным словом. Общее в вере передаётся не в слове и не в слове содержится – оно в церковном стоянии, молитве, любви – как бы во всём сразу и потому в тесных словах никак не помещается. И этих слов надо говорить много, чтобы обойти веру «по периметру». А всё равно не обойдёшь.

***

Мы страшаем друг друга традицией, терроризируем ею, глуша жизнь, как реставраторы, которые всё время пытаются остановить жизнь, подсунуть муляж вместо живого слабеющего и наконец умирающего тела.

***

Есть ещё террор собственного творчества, когда твоя собственная традиция не даёт тебе выпутаться. Ожидание читателей связывает, они ждут от тебя привычного. И вот раньше ты считывал с небес, а теперь загородил их честолюбием и вот пишешь своё, и уже сам навязываешь небу текст. Читатель это узнаёт и мстительно говорит «исписался», хотя это он сам испил (высосал) писателя его собственной традицией.

***

...Всегда в русском человеке так связано – тосковать, говорить о тоске, преодолевать её, а в говорении и всё-таки на самом деле ещё острее тосковать.

***

О Пушкине.

...Он и восхищался гениальностью (умом), и ненавидел эту гениальность (чувством), словно сама гениальность загоразивала какую-то главную тайну. Будто душа всё текста просит, а ей подсовывают комментарии... Книга тоскует по

единому, полному, утоляющему высказыванию, а оказывается только толпой примечаний, окружающих невысказанный текст.

***

...Хотел и вот это написать и вот это, но не написал, намекая, что книги были бы чудно хороши, да обстоятельства не сошлись. Сколько таких книг не написано! Собрать бы все замыслы (как они обычно свободны, обаятельны, завораживающи) да издать такую книгу ненаписанной литературы, том несбывшейся истории.

***

...Ненаписанные книги всегда талантливее написанных, потому что свободнее, потому что оставляют поле воображению не истоптанным ни у самого писателя, ни у читателя.

***

...Никуда не денешься – это будет если не твоя жизнь, то жизнь твоих детей. Хватит нравственных диктантов и морального террора. Как хочу, так и живу. Как живу, так и пишу. Пошлость весело и нагло, как она всегда это делает, выставила свой товар: вот это называется так, а это так, с этим делают то и это. Будет предложена и технология этой жизни, и даже подобие морали. Всё это будет введено в обиход как естественное, имеющее законное право, даже «прогрессивное» рядом с осмеянной моралью вчерашней литературы.

***

Все виды авантюризма торопятся разложить свои гнилые цветы. И вдруг делается ясно, что это подлинно уже ЕСТЬ, что это не игра заблудившихся детей, а поколение, полагающее в этом определённые ценности, под которые подкладываются философские и эстетические обоснования.

***

О Нине Берберовой.

Бесчеловечная отвага Н. Берберовой, горько хвляющейся, что у неё нет детей и внуков и потому она свободна говорить то, что говорит, и беспристрастно взвешивать добродетели и пороки своих бедных современников... Эти мужество и ирония, в конце концов, вызывают жалость, словно эта блестящая жизнь изошла впустую. Как будто она жила не среди людей, а сквозь них или по касательной и вечно обёрнутым наружу зрением ни разу не впустила их в себя и не вошла сама. Человек был истреблён ни на минуту не закрывавшим глаза художником.

***

Мы очень молодой народ – это раз, и мы народ не европейский... Мы государство метафизическое, и наше время не в Европе, и не в Азии, и не в Евразии, а на небесах. Наше задание решается там, отчего у господ политиков ничего не выходит. Могло выйти с монархией, но мы её изломали.

***

...Чудо жизни состоит в собственно жизни, а не в идее, её увечащей (а идея всегда увечит человека даже самая благая).

***

Вековечное наше жалостливое отношение к блатным, «несчастливым», к тюрьме (старорусское «не зарекайся») и покаяние перед этим братом, слеза горемычная и где-то всё по краешку витающая поэзия тюремной песни, какая-то общая наша тоска по воле, словно все мы узники – оттого и понимание тех. Но и кокетство, романтизм, игра в горемычность. У нас герой не победитель, не баловень судьбы, а несчастный, гонимый, пропавший.

***

Мир как-то существенно облегчился, обмелел, научился прятать свои раны в нарядные бумажки, в улыбки, в кривые извинения, в стесняющее хмыканье.

Временами мы готовы думать, что драма от этого драматичнее и чувства целомудреннее и глубже, а нет: нас всё меньше поражают смерти, ранят измены, мучают страсти. Мы понемногу цивилизуемся, т.е. попросту перестаём ценить мысль, человеческую личность, единственность существования.

***

...Все жизнелюбцы, «естественные» люди, кто знал плоть жизни и умел писать её лучше всех. Все на определённом пороге становятся желчны, публицистичны, «не могут молчать», разочаровывают читателя, выказывают дикие реакции на события и выпадают из жизни. А читатель не по инерции слушает их, но отходит в печали, потому что сам этот читатель именно в силу сродности своей, как ни странно, оказывается более духовен и вернее слышит сердку правды, умеет найти равновесие духа и плоти.

***

Чем внимательнее всматриваешься в течение времени, в газеты, тем очевиднее делается, что история как шла, так и идёт старинными дорогами лжи, двоедушия, притворства, насилия и решает всё те же бездарные задачи – как прибавить себе территории. Выкачать из ближнего побольше денег, надавить и преуспеть. Бог ничего не переменял в мире, несмотря на внешний успех мировых религий.

***

Мы можем победить только безоружностью, но это высшее оружие никто, кроме Христа, не использовал. На уровне креста не использовал, а одними святыми истории не перевернёшь, даже если их накопится армия.

***

...Россия всё только обещает это новое и это обещание так явственно, что каждый слышит его в себе, но это вечное несбываемое новое, не то что сбываемое,

но и вовсе не имеющее возможности сбыться, иначе русский перестанет быть русским.

***

Реальность сиюминутна и коротка. А слово содержит и её, сиюминутную, и помнит все оттенки тысячелетия, и в нём косность мира, смыслы – дальше, чем в реальности. Между тем реальность ведёт себя так, словно она полнее слова.

***

...Истина вообще не приносит счастья, потому что сразу отделяет человека от быта, от семьи, и начинается общее страдание.

***

Ох уж эти барские деревни и ох уж эти господские мужики в русских усадьбах – всяк мыслитель и прежде и мимо всякой работы – порассуждать тонко с городским человеком, задеть этого городского своей тонкостью в бедном платье, намекнуть на тайну, на другую жизнь, высокое знание, разочарование, нарочитое соскальзывание вниз из смирения и неприятия мира.

***

...Раз уж взялся за такое дело, как сочинительство, надо идти до конца. Не стесняйся успевающих и неуспевающих. Не гляди на то, что рынок ищет поспешности и побеждает. Не бойся того, что макулатура может вытеснить всё, не оставив никакого места твоим «умствованиям». Умствуй! Где-то сидит такой же «умник» и только ждёт твоего приветов, потому что сам робеет больше тебя.

***

Не можешь узнать, хотя бы не притворяйся знающим, а говори, что чувствуешь опытом души и лет. И говори, что это опыт души и лет. Легче простят, да и сами будут увереннее в себе, в голосе своей души. Обманчивость «успеха» развращает и, в сущности, унижает душу. Сам-то знаешь, что сделал. А всё-таки поперёк не скажешь и будешь выпячивать грудь, как будто действительно сделал что-то стоящее.

***

...Время – это только слово. А позабудь его – и мы все сверстники: кто постарше, кто помоложе.

***

...Мифология она ведь не игрушка человеческая, она – небесный голос, фильтр для очистки от пустяков земного для выявления подлинного и сущностного. А возвращать обратно – значит снова заваливать пустяками жизни, натаскивать человеческой грязи, чтобы потом заново отмывать, так можно и правда вместо жизни остаться в голом тексте.

***

«Эхо и зеркало». Как ещё определить дело критика и саму свою жизнь?

***

...ТАМ, в Небесном царстве, будет так же и будет всегда, во всю вечность, и мы будем там видеть родную Россию и милых людей рядом и нам не надо будет отчаиваться, что это скоро кончится.

***

...Народ в трагедии – это сам пушкинский язык. Нет никакого отдельного народа... А настоящий народ – язык, сама поэзия. ...+И чем прекраснее слово, тем оно и «народнее». В нём-то и хранится истина... Иногда народ – это два человека на нацию. И непременно простецы или старцы, а, как сейчас – Распутин, Белов, Можаяев, Быков. Это стало проступать с пушкинским словом. Когда народ постепенно изощёл в слово. И если кто и спасёт этот бедный народ, то это самое его слово, если он услышит его в первоначальной полноте, строгости и духовной силе.

***

Всё меньше различаю искусство – неискусство. Всё слипается в ровной срединности. Один получше, другой похуже, но, кажется, могут в другой час поменяться местами, потому что оттенки зависят только от твоего душевного состояния – сегодня повеселее, завтра погрустнее. Мощное дыхание ушло, а на уровне комнатного существования всё одинаково. Один погромче, другой потише. Но всё комната.

***

...Диктует-то нам оно [небо], а земля только слова и примеры подставляет.

***

Себя человек написать не может. Себя от может только промолчать. Но и то, если «правильно молчит» лицо исполняется такого «текста», что его всё равно читают люди, думая, какой прекрасный человек, и тем благодаря его за «послание». Вот и выходит, что человек никогда не один. И даже в тюремной яме он – перед Богом.

***

И всё-таки писать «себя» надо, чтобы как-то собирать мысль, всё более неотчетливую, всё меньше надеющуюся на «опыт», который давно не вывозит. А записал и, глядишь, получил «письмо от себя», как от другого, и удержал мир.

***

Вот, может быть, наше отличие от Европы и Америки. Они – дети дня и дела, а мы – дети ночи и сомнения, дети созерцания, памятования, смерти, которая сразу отменяет все усилия, обесценивает их.

***

Эмигрантская литература подарила нам Россию – нежную, отдельную, словно и у нас её отнимали, и мы увидели её впервые – эти прекрасные облака, которые не летят так не над какой другой страной...

***

...Всякое воспоминание прощально – оно уже не сулит нового.

***

Авторитет жизни надорван. Она оказалась унижена политической игрой, слишком безответственной переменной системы координат. А слово удержалось, и его можно поднять из пыли, отереть, и оно вспыхнет новизной, силой, жизнью.

***

...Мы забрали литературу «по знакомству». Неудобно не похвалить товарища, хотя всё в тебе восстаёт. Или хоть сказать ему замечание. Пусть хоть дома, непублично. «Ранимые» мы стали и ставим «милосердие» дороже правды. А в результате оказываемся посреди обоих нас возмущающих «третьей литературы», которую сами своим вранье и породили.

***

...Мы все живём в разных историях. А государство, которое стоит в разных историях, не может быть народом и само в себе не устоит.

***

Мы пустили историю на кулачные забавы и, значит, играем судьбами детей. А раз детей, то и будущего. Так просто и так невозможно об этом сказать, потому что тотчас поднимется вой: опять за своё?

***

Человек жил в церковном календаре, и с ним там жили птицы и животные (домашние и дикие). И история жила «на Федота», «на Герасима» (посмотреть даты по этому календарю – и сразу день сражения или мира окрасится совершенно иначе).

***

О фильме «Страсти Христовы».

Мел Гибсон хотел в «Страстях Христовых» верного – нашего пробуждения, чтобы мы почувствовали, что такое распятие, про которое мы научились говорить слишком легко, чтобы мы умерли от ужаса. Но кровью и физиологией ужаса загородил более необходимое знание, что Его прибили гвоздями к позорному столбу за то, что Он не захотел жить, как мы, отказался от фарисейского благочестия, не захотел подчиниться «подавляющему большинству». Прибили такие, как мы, то есть попросту мы, чтобы только не меняться, не выходить в немислимую дорогу духовного труда, где удовольствия и «прав» так мало, а

обязанностей так много. Прибили, чтобы утвердить право на зло, легализовать его, как неизбежное (а раз неизбежное, то – виноваты ли мы?). И не заметили, что прибили себя, то совершенное в себе, которое Господь неутомимо даёт каждому рождающемуся в мир. И когда стали клясться Им и молиться Ему, стало ещё виднее, что это только «декларация о доходах», что это документ в духовную «налоговую полицию». Мы помним, мы чтим, мы бываем в храмах, мы постимся – чего вам ещё?

***

Не перемениться, так хоть не лгать, знать, что лжец и потатчик злу, хоть просто помнить об этом и не красоваться. И тем хоть малость удерживаться от увеличения зла в мире.

***

Вот что делает писателя писателем – отвага перед своим небом. Не «общественного мнения» страшится, а Божьего суда и пишет то, что говорит душа, хотя бы она говорила поперёк всему общепринятому.

***

...Бог – прост, потому и непостижим. Постижимо только сложное.

***

...Все войны происходят из-за разного понимания одних и тех же слов. «Противник», «война», «ненависть», даже «любовь» – каждый поворачивает слово нужной ему стороной. А нужно только поглядеть на себя глазами «противника» и его ценностей, подставить на место убитых врагов своих детей, поверить, что другая сторона ищет того же света, и тогда откроется ржавый механизм всех войн и революций, как хищнический, увидится, что ничего, кроме приобретения (территорий, ресурсов, рабов), инициаторами не двигает. И тогда устыдиться и отказать себе в праве зваться людьми. И начать слушать другого и идти ему навстречу в оттенках, пока не сойдёшься в любви. Вот и всё, для чего приходил Христос. Так просто. А мир всё валится и валится в воронку слов, стараясь развести их как можно дальше. И не хочет переезжать на небо, так и валить друг друга на земле.

***

Об Анне Герман.

Это была наша душа, наша любовь, после которых не было и уже не могло быть ни души, ни любви – всё стало механикой. Чтобы так петь, надо так жить, а мы уж могли только передразнить.

***

Об Анне Герман.

...Она поёт каждую песню единственный раз, и завтра это уже будет другая песня. Никакого «мастерства» и механики – всё сегодня и сейчас, и кто не слышит её сегодня, уже вовек не услышит, потому что завтра будет другое сегодня.

***

Время предаёт человеческое сердце и лишает его лучшего. А скажи об этом в какой-нибудь Общественной палате или Думе – тебе засмеются в лицо. И засмеются искренне, не понимая, как так можно жить, чувствовать и надеяться, что кто-то отзовётся всей полнотой сердца.

***

Мы все «аккумуляторы» друг друга и только вместе и есть вся жизнь.

***

А ведь вся литература об этом – о попытке узнать себя в зеркале. И всё время останавливающаяся на последнем пороге, всё время предпочитающая обмануть себя, не узнать, оставить возможность для побега.

***

Может, потому мы и не слышим и другого человека, что каждый из нас двоих внутри нас слушает каждого другого в другом – всё время не попадая. Всё время, «странный гражданин» меняет карты и подсовывает нам не того. Как бывает трудно даже с самыми близкими – словно и с ними разговор ведётся в испорченный телефон, в вечную готовность услышать обидный для себя смысл, даже если другой говорит со всей строгостью. Так мы и читаем книги, так их рецензируем, всё время подставляя своё Я.

***

О России.

...Она и всегда не возрождается, а просто рождается и оттого так всегда молода и неуверенна, самонадеянна и безответственна. Молодость всё, ребячество в революциях, перестройках, а теперь вот в политике. А только и надо увидеть чудо повседневной жизни и пожить открытой радостью – без умствования, чтобы солнце, ласточки, воздушный шар, пение Варвары, холодное пиво, комары, выпившие поэты, золотой закат на соснах были важнее всех президентов и выборов. Чтобы и у президентов были закаты и ласточки, иначе у них ничего не получится. Падут империи, падут либералы, а солнышко всё будет садиться и сердце всё будет сжиматься от красоты и покоя.

***

История вся – договор, лукавство, вся потакание человеку, его слабости, но никогда не говорит этого напрямую, отчего снова и снова, поколение за поколением являются еретики, чтобы попытаться построить царство Божие здесь, увлечь людей Христовым идеалом, оставить всё и идти за Ним.

***

Все выучились писать ярко, броско, пышно, изобразительно, а высокое дыхание ушло, а мощи как не бывало. Очевидно, тут дело ещё и в том, что изобразительная виртуозность как раз и приходит, когда исчезает в истории

величие и человек делается мелок и дробен, каков он сегодня. И тогда является необходимость в инструменте, уравнивающем оттенки, переливы, пустяки. И они постепенно начинают первенствовать, требовать гражданства, притворяясь силой и необходимостью. И человек научился удовлетворяться мишурой, стеклярусом, «фенечками» и обманывает себя, что это и есть богатство и роскошь настоящих «достижений».

***

Любой самый точный перевод утрачивает главное – то, что договаривается из глаз в глаза... Перевод даёт паузу, которая хороша дипломатам, но убийственна для живого диалога.

***

Это незнакомый нам европейский эгоизм, эта замкнутость дома, это рыцарское уединение – дом-крепость, открытый улице аскетической стороной и обернувшийся во двор своим праздничным чувством жизни, – себе, а не миру, как у нас, грешных.

***

Когда я глядел... на деревенскую Францию, сжимающую «Права человека»... то видел, что она сжимает не вообще «права человека», а право каждого отдельного, вот этого человека с его собственным уставом и своей конституцией. Не от того ли, никак и не оторвёшься от этих в каждом повороте неповторимых домов и дворов?

***

...Русский язык действительно ещё молод, что он никак не поддаётся машине, потому что тащит за собой ещё слишком много всемыслового – мистики, тайны, крови, ещё долгий шлейф коренной земной полноты, хотя его уже и взяли в оборот и урезают, теснят, загоняют в угол, вводя всё больше однозначных, терминологических, чужих слов, из которых уже вынута полнота жизни и оставлен только исторический смысл.

***

Много верно сказано о хаосе души, измученной непрерывным злом мира и невозможностью преодолеть время и вырваться из смерти.

***

Петербург оттого так вычурен и многоречив в сравнении с Римом... что ему не хватает соавторства солнца. И он вынужден доигрывать, дотягивать до красоты «кондитерством», иначе зритель соскучится.

***

Где кончается гордость и начинается смирение, где эта паутиная граница? Или они так и ходят парой, не то что мешаясь друг с другом, а слыша друг друга ревнивым сердцем, пытаясь подменить друг друга – гордость притворится смирением, а смирение оденется в царскую багряницу.

***

Сёстры тяжесть и нежность, сёстры падшесть и гордость, сёстры нищестъ и царскость. Сёстры, сёстры, сёстры.

***

Всякое совершенство нечаянно укоряет себя за суетность и случайность существования, за то, что ты сам не собрался душой вот в такой же ясности, а, как напоминает нам родное песнопение, «весь пуст и пался есть».

***

Это там, в «институтах» церкви, мы разошлись и расходимся. А вот здесь, в молитве и любви, Феофан Грек радостно обнимет Джотто, а Дионисий – Пьетро Лоринцетти или Джантили да Фабриано, и им не надо будет ничего говорить и объяснять друг другу, чтобы понять, какой они веры, дети какого Спасителя и какой Девы Марии.

***

...Русское сердце (ах это неблагодарное русское сердце!) всё взвешивало, всё прикладывало к себе, всё мерило собою. Мы как-то таинственно (не от Достоевского ли?) получили (или присвоили себе?) это право – судить мир нашей мерой.

***

...Я думаю и думаю, проверяю и проверяю себя: что видело сердце? Только ли то, что глаза? Или душа была умнее и что-то пыталась понять сразу, когда ум ещё только запоминал «показанное»...

***

Всякая революция, война, духовное потрясение возносит поколения, меняет столицы, передвигает пределы. И след этих потрясений таинственно оседает в тяжести стен и придаёт им очарование, тайна которого в том и есть, что мы касаемся материи истории и догадываемся, что страницы хроник под бегом букв полны плоти и тяжести.

***

Не горький ли след наших разделений, когда мы в пределах одной веры с молодой жадностью рвали молодое тело Византии в крестовых походах, когда и мощи святых не знали покоя, уносимые от мест упокоения, как дорогие трофеи, по чужим землям. Конечно, они уже принадлежали человечеству. Но как археологи

берегут каждый камень на своём месте, потому что он только в «месте прописки» говорит с особенной полнотой, так ведь, верно, и голос святых слышнее всего там, где вместе с ними говорят их земля, их небо, их воздух.

***

...История христианства во всём величии и трагизме вечно мучительных отношений земли и неба.

***

...Нынешние молодые писатели бросают вызов реалистическим старикам и «впадают в постмодернизм» – они просто не знают, как уклониться от цитирования, ибо мир написан до них. Хочется новизны и самостоятельности, а реальность давно разобрана на слова и является готовой. Поневоле восстанешь.

***

Вся мерзость войны явлена именно желанием мастеров Веронезовой и Тинтореттовой школы показать молодой героизм. Эта муравьиная теснота, этот безрассудный напор не может быть красив – ползут, бегут, падают, лезут, теряют рассудок, и ты скоро видишь, что после такой истерии и торжества смерти может быть только разграбление, как компенсация безумия и крови! Отыгаться за всё!

***

...В истории не один суд не однозначен и чем ты старше, тем лучше понимаешь, что по этой же причине странами должны управлять пожилые люди, которые лучше слышат обе стороны правды.

***

Спаситель – это все мы в пору, когда чисты, как дети.

***

Теперь я думаю, что в дневниках есть некоторое «невольничество». Их пишем не мы, а сама жизнь, а мы только инструмент.

***

...Сама жизнь ищет быть отражённой, ищет воплощения и слова, потому что понимает свою ускользающую подвижность и хочет остаться, как всё живое.

***

...Я ещё надеюсь на союз и объятие цивилизации и культуры...

***

...Героизм – это насилие, что нормальная жизнь не предполагает героизма, если в ней всё продумано верно.

***

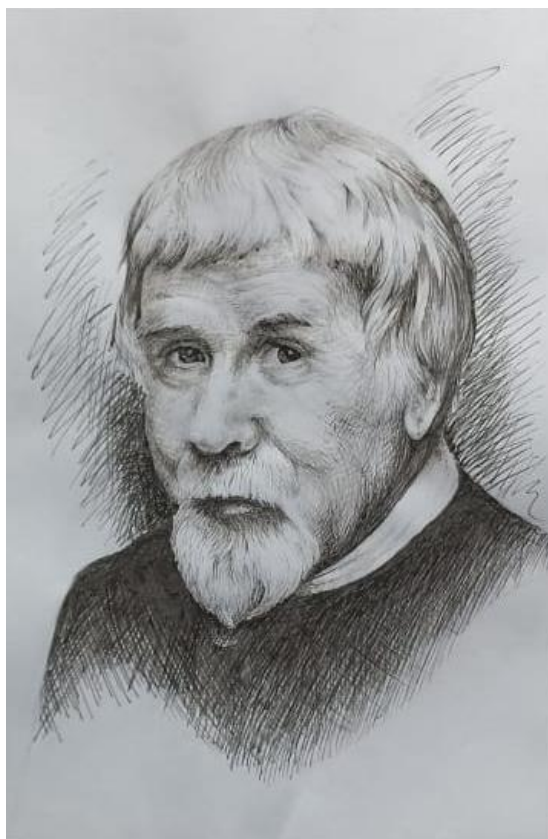
...Какая-то особенная печаль в том, что друзья становятся мемориальными досками, пароходами и улицами, что в этом есть какое-то особенное отстранение, как ссылка из жизни в историю.

***

Мы, может быть, будем очень передовыми... но мы не прибавим миру важнейшего – лица и света, которые единственно определяют отличия народов в Господнем саду культур. Не прибавим слова и песни, красоты и тайны, величия и любви.

***

Как входят в нашу жизнь друзья? Почему-то кажется, что если они настоящие, то мы никогда не можем вспомнить мгновения встречи. Они как-то сразу «оказываются». Ты «опоминаешься» сразу посреди дружбы.

Работа «Портрет Курбатова» победителя III Всероссийского конкурса-акции изобразительного искусства «Курбатов на каждый день» Гульнары Ягфаровны Галлямовой (г. Нижнекамск, Республика Татарстан)

В работе над общественным проектом «Цитаты из Курбатова-2024» приняли участие волонтеры (в порядке регистрации в проекте): Татьяна Александровна Иванова, Наталья Ивановна Трепакова, Алексей Николаевич Исаков, Артем Сергеевич Назаренко, Диана Евгеньевна Сарапулова, Иван Анатольевич Лунин, Ирина Пронина, Эдуард Русланович Адзинов, Вадим Борисович Кондратьев, Валерия Евгеньевна Шишкова, Григорий Иванович Юшков, Ангелина Александровна Жарикова, Глеб Червонный, Ирина Александровна Белевитина, Настя Леценко, Евгений Эдуардович Гарайс, Арина Вадимовна Алексеева, Дарья Кудрина, Валерия Павловна Машкова, Альбина Фаниловна Ихсанова, Александра Сергеевна Бондаренко, Олеся Александровна Зверкова, Аделя Ринатовна Имамова, Алия Ильгизовна Батдалова, Варвара Геннадьевна Сазонова, Евгений Олегович Ширяев, Даяна Олеговна Шувалова, Жанна Андреевна Исаченкова, Милена Руслановна Мавлютова, Ариана Залимовна Макитова, Владимир Александрович Лалаев, Анастасия Игоревна Илларионова, Виталий Анатольевич Кондратьев.

ГБУК «Псковская областная универсальная научная библиотека имени Валентина Яковлевича Курбатова» благодарит всех за участие и помощь.

Портрет Валентина Курбатова (художник – Татьяна Стройло), переданный издателем, другом критика Сергеем Биговчим в дар кабинету Курбатова ГБУК «Псковская областная универсальная научная библиотека имени Валентина Яковлевича Курбатова»

